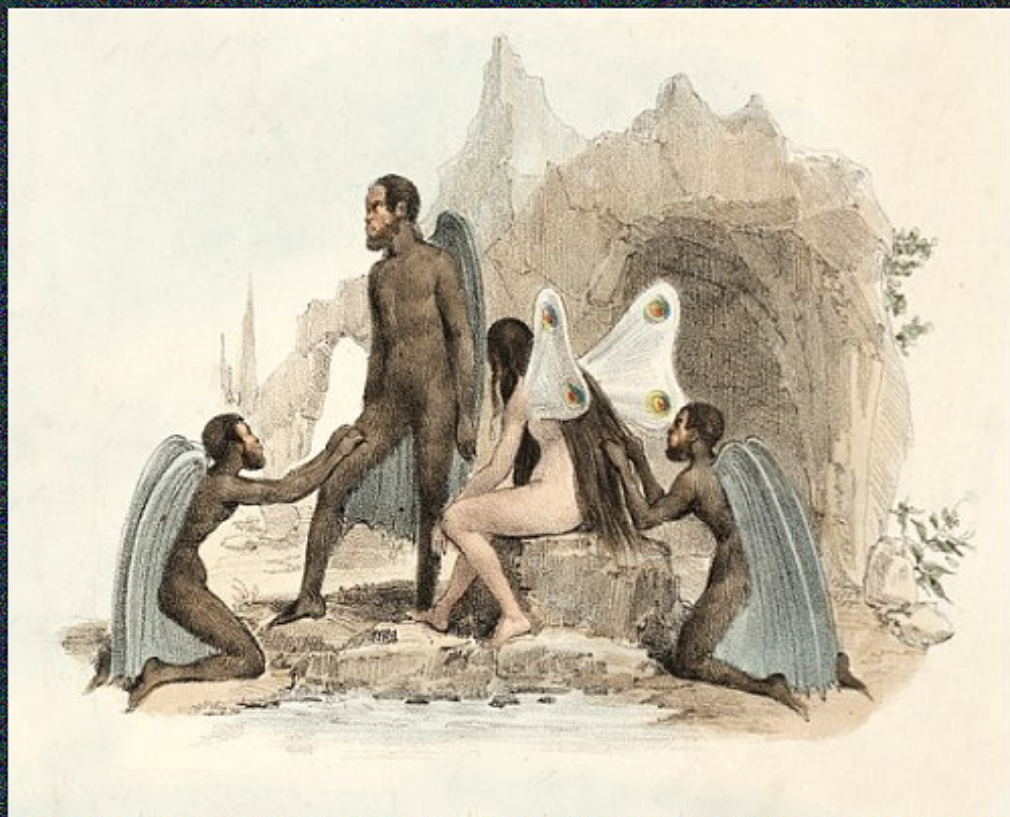

[Polaris]

О ЖИТЕЛЯХ ЛУНЫ

и других
достопримечательных
открытиях

**Фантастическая литература:
Исследования и материалы
Том IV**

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

СССЛIV

Salamandra P.V.V.

О ЖИТЕЛЯХ ЛУНЫ

**И ДРУГИХ
ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ОТКРЫТИЯХ**

Фантастическая литература:
Исследования и материалы

Том IV

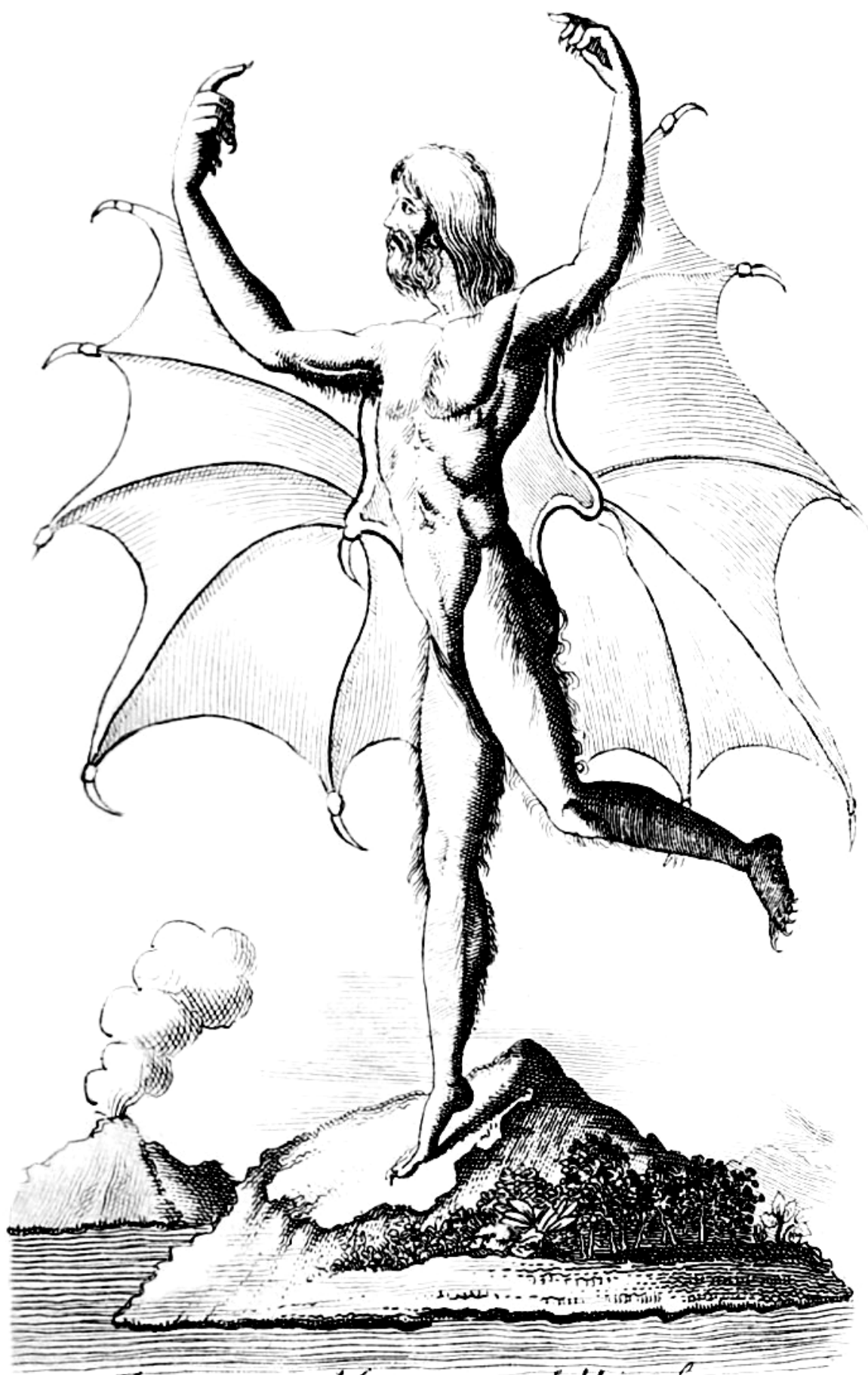
Salamandra P.V.V.

О жителях Луны и других достопримечательных открытиях. Сост. и коммент. М. Фоменко (Фантастическая литература: Исследования и материалы. Том IV). — Б.м.: Salamandra P.V.V., 2020. — 100 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCLIV).

В книге представлено первое за почти 200 лет переиздание русского перевода замечательного научно-фантастического газетного розыгрыша Ричарда Адамса Локка, получившего название «Великой лунной мистификации». К изданию приложены критические статьи Э. По, В. Белинского и О. Сенковского. Книга снабжена подробными комментариями и включает репродукции великолепных итальянских литографических сюит и других изобразительных материалов, ставших частью «Великой лунной мистификации».

© М. Fomenko, состав, переводы, комментарии, 2020

© Salamandra P.V.V., оформление, 2020

*I nuovi Abitatori della Luna
Disegnato al Capo di buona Speranza dal Sig. Kerschel*

Великие астрономические открытия, недавно совершенные сэром Джоном Гершелем... были признаны в свое время чудесным литературным произведением, весьма изобретательным и замечательно написанным, а автор их — достойным быть упомянутым в одном ряду со Свифтом и Дефо. Такими они остаются и сегодня, но есть в них и кое-что еще. Из глубин десятилетий, предшествовавших Дарвину, они призывают нас не жертвовать интеллектуальной свободой во имя религиозных верований, какими бы стойкими те ни были и как бы громко ни провозглашались. Великолепное сочинение Ричарда Адамса Локка сияло лишь краткий миг, но с тех пор никогда не умирало, подобно давнему свету далекой звезды, который по-прежнему утешает нас и кажется тем более ярким, чем темнее выглядит небо.

Мэтью Гудман

О ЖИТЕЛЯХ ЛУНЫ

и других достопримечательных
открытиях,

сделанных астрономом сир Джоном Гершелем
во время пребывания его
на мысе Доброй Надежды.

О

ЖИТЕЛЯХЪ ЛУНЫ

И

О ДРУГИХЪ ДОСТОПРИМЪЧАТЕЛЬНЫХЪ
ОТКРЫТІЯХЪ,

СДѢЛАННЫХЪ АСТРОНОМОМЪ

Сиръ - Джономъ Гершелемъ,

во время пребыванія его на мысъ Доброй
Надежды.

Переводъ съ Нѣмецкаго

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
ВЪ ГУТТЕНБЕРГОВОЙ ТИПОГРАФІИ.
1836.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемые здесь известия о необыкновенном результате астрономических наблюдений Гершеля на мысе Доброй Надежды извлечены из 36 нумера журнала «*London and Edinburgh Philosophical Magazine and Journal of Science*» и из дополнительной к оному статьи, перепечатанной в №№ 615 по 619 газеты «*The Sun*», 1855 года.

Чтобы лучше познакомить с этим предметом читателей, которым неизвестно нынешнее состояние астрономии, мы выпишем сначала статью о Луне из энциклопедии Брокгауза.

«Луна, верный спутник нашей земли, обращается около сей последней в течение месяца, а в продолжение года, состоящего из 12 $\frac{1}{3}$ таких оборотов, вместе с Землей около Солнца. Скорость, с какой она обращается около Земли, составляет только тридцатую часть той быстроты, с которой Земля вместе с Луной совершают ежегодно путь свой около солнца. Это двоякое движение Луны чрезвычайно сложно, ибо лунный путь не есть простой круг, а подобен шнуру, имеющему 12 или 13 узлов, кои по истечении даже целых миллионов лет не попадут на те же самые точки помянутого шнура. Такое положение Луны, весьма близкой к Земле, равным образом не слишком отдаленной и от Солнца, и подверженной притягательной силе обеих сих планет, причиняет частые возмущения (пертурбации), которые чрезвычайно затрудняют счисление лунного пути. Если бы Солнце в самом деле находилось от нас в бесконечном отдалении, оно действовало бы одинаковым образом на Луну и на Землю и не могло бы изменять относительного движения сих двух небесных тел. Но, так как расстояние Солнца, как бы велико оно ни было, не может почитаться бесконечным в отношении к расстоянию Земли от Луны, то сия последняя находится попеременно то ближе, то далее от Солнца, чем Земля, и следовательно, Солнце действует на эти два тела с переменной силой и под разными углами; от сего происходит разность в их движениях, зависящая от различных положений, которые постепенно Луна и Солнце принимают в отношении друг к другу. Не обращая внимания на безусловное состояние Луны, можно заметить по одному движению, по ежечасным переменам ее положения, что она не имеет той правильной скорости, которую должна бы она была иметь по законам чисто эллиптического движения. Наблюдения показывают, что настоящая скорость Луны беспрерывно увеличивается по мере того, как она сама приближается к сизигиям (новолунию и полнолунию). Эта скорость бывает тогда самая значительная, а в обеих четвертях или квадратурах, напротив, самая

малая. *Расстояния* Луны от Земли равным образом не согласуются с теорией чисто эллиптического движения. По наблюдениям, расстояния сии в сизигиях всегда меньше, а в четвертях больше, чем бы следовало. Значительнейшие возмущения относятся к долготе, и между ними величайшее известно под именем эвекций. Сверх сего большого возмущения долготы замечается еще другое, исчезающее в сизигиях и в четвертях, но достигающее самой большой быстроты $2142''$ в середине, между сими точками, в осьмых долях. Его называют переменной (вариацией). Наконец, при сравнении наблюдений, произведенных в разные времена года, замечено еще важное неравенство Луны. Найдено, что рассматриваемая долгота Луны в продолжении шести месяцев, нужных Солнцу для удаления от Земли, была всегда меньше, а в течение остальных шести месяцев больше против исчисления. Самая значительная разность доходила до $674''$. Сия разность, которой период составляет год, называется *годовым уравнением* и открыта наблюдениями Тихо Браге. Сверх сих возмущений, претерпеваемых Луной на своем пути, есть еще многие другие, кои по маловажности своей укрываются от наблюдений астрономов, и тогда только могут быть определены с некоторой точностью, когда на них бывает обращено все внимание науки, определяющей удобнеее время для наблюдений. Замечательно, что сии неравенства Луны дают нам возможность, не трогаясь с места, измерять всю солнечную систему. Так, например, одно из возмущений Луны, зависящее от солнечного параллакса, делает возможным, посредством тщательных наблюдений над Луной, вывод самого параллакса Солнца, составляющего одно из важнейших начал астрономии. И действительно, уже Майером открыт был таким образом солнечный параллакс $= 7''.8$, следовательно, точнее и ближе к истине, чем прежде. Из другого сравнения выводится сжатость Земли $= 1/305$, равняющаяся той, которая определяется лучшими градусными измерениями. Постоянно кругообразная форма тени, отбрасываемой Землей на Луну во время ее затмений, открыла, что вид Земли есть шарообразный; а усовершенствованная теория Луны послужила к точнейшему определению сего вида. Наконец, должно упомянуть еще об одном лунном возмущении, которое относится до среднего ее движения. Сравнение новых наблюдений сего рода с прежними имело весьма замечательный результат, показывающий, что среднее движение Луны делается скорее и от того время обращения ее около Земли становится короче. Это явление было доказано и ученые терялись в догадках, какая может быть тому причина. В чем бы ни состояла, однако ж, сия причина, во всяком случае, для Земли не очень было бы выгодно, если бы быстрота движения Луны постоянно увеличивалась, а время обращения ее около Земли сокращалось: неминуемым следст-

вием того было бы столкновение этих двух тел. Но и тут теория доказала, что сия увеличивающаяся скорость была следствием только периодического возмущения и что скорость лунного течения должна уменьшиться после известного числа лет. Из всего сказанного видно, сколь трудно составление таблиц, по которым можно было бы с точностью вычислить место нахождения Луны. Однако ж, польза сих таблиц для определения географической долготы в мореплавании побудила английский парламент, а потом и французскую академию назначить большие награды за составление оных. Первую из сих наград получил Майер, а вторую Буркгард и Бюрк. В новейшие времена Дамуазо издал подобные таблицы, основанные, впрочем, на одной теории. Все они вообще не представляют тех удовлетворительных результатов в отношении небесных явлений, какие находим в таблицах, когда дело идет о других планетах.

Рассматривая Луну даже простыми глазами, мы можем различать на ней светлые и темные части; а как нам представляют всегда одни и те же пятна, то сего достаточно для утверждения, что Луна обращена к нам почти одной и той же стороной. Из сего непосредственно следует, что Луна обращается около своей оси и во столько же времени, сколько ей нужно для совершения пути вокруг Земли, т. е. почти в течение 29 наших дней. Такое заключение, само по себе простое и ясное, произвело сильный спор между двумя учеными испытателями природы. В справедливости этого положения можно убедиться следующим образом: поставить посреди комнаты стул, а самому стать так, чтобы, глядя на него, находиться спиной к окну. Если начать ходить вокруг стула, не отвращая от него лица, то, достигнув половины пути, будешь обращен лицом к окну, и следственно, в отношении к прежнему своему положению, делаешь полуоборот около собственной своей оси, из чего следует, что, описывая круг около стула, не спуская с него глаз, непременно сделаешь в то же время оборот вокруг своей собственной оси. Так и с Луной. Хотя вообще справедливо, что Луна обращает к нам одну и ту же сторону, но вместе с тем заметно, что сия сторона периодически несколько отклоняется от Земли, ибо видимые на ней пятна находятся то ближе к северу, то ближе к югу; иногда же к востоку и западу. Это явление именуется качанием Луны или *колебательным* движением оной. Причиной тому равномерное движение ее около оси и неравная скорость в путевом течении; почему мы и находимся от нее то более к западу, то более к востоку, нежели сколько бы следовало по среднему движению.

Настоящий поперечник Луны простирается на 480 географич. миль и содержит $58\frac{1}{3}$ миллионов миль кубических. Поверхность Луны в 727,600 квадр. миль, почти вдвое больше поверхности, занимаемой

российским государством. Величайшее расстояние Луны от Земли доходит до 55,000 миль, а самое меньшее до 48,000 — что составляет весьма незначительное пространство в сравнении расстояния от нас Солнца на 20 миллионов миль, и других еще отдаленнейших планет. Посему-то поверхность Луны есть для нас явление, которого не представляет ни одно из прочих небесных тел. При первом взгляде на Луну в самый обыкновенный телескоп мы видим, что поверхность ее усеяна пятнами всякого рода. Этим лунным пятнам даны для удобства и для большей ясности различные имена. Гевель, например, обозначил их на своей подробной карте Луны именами наших земель и морей. Позднейшие астрономы не хотели тем довольствоваться; один испанский ученый старался заменить эти названия именами святых, а Нициоли предложил употребить имена философов, которых главой был сам, и случайно успел в том, несмотря на все удобства метода Гевеля. Помощью хороших телескопов удостоверились, что пятна более светлые суть горы, тень которых всегда находится на противоположной стороне Солнца и тем длиннее, чем Солнце ниже к горам; так что при полнолунии, когда Солнце стоит над их вершинами, тень сия почти совершенно исчезает. Высота сих гор необыкновенная; многие из них превышают высочайшие горы нашей планеты; и между ними есть такие, которые простираются до 26,000 футов. Лунные горы не все одинаковы. Их можно разделить на цепные и отдельные (звенообразные *Ringgebirge*); хребет первых возвышается далеко над поверхностью Луны; от него тянутся целые ряды гор до самых равнин. Вторые имеют вид кругообразный, окружены со всех сторон высоким валом, над которым возвышаются наподобие конуса, и с первого взгляда можно удостовериться, что они вулканического происхождения. Так как горы сии по большей части имеют вид единообразный, то и должно полагать, что они одинакового происхождения, бывшего следствием какого-нибудь большого переворота, случившегося в одно и то же время на всей лунной поверхности. Причины таковых переворотов существуют, кажется, еще и теперь на Луне; там, по-видимому, совершенно нет вод, по крайней мере, больших, и Шрёттер не мог отыскать ни одного ровного места на всей поверхности Луны. Она не имеет никакой атмосферы или самую редкую; доказательством тому могут служить неподвижные звезды, кои, касаясь очень близко ее краев и наконец исчезая за ними, представляются во всей их ясности до последней минуты. Недостаток морей и рек подтверждает такое заключение.

Ось Луны находится в положении почти прямоотвесном, так что Луна вместе с эклиптической составляет весьма малый угол $1^{\circ}30''$; а поелику перемена времени года зависит от сего угла, который здесь почти исчезает, то и следует заключить, что на Луне время года не из-

меняется. У тех из ее обитателей, которые находятся почти на экваторе, Солнце всегда в зените; а у жителей обоих полюсов оно всегда на горизонте: там вечно палящий зной, здесь всегда необычайная стужа. Дневное время на Луне не менее странно; день, равняющийся ночи, продолжается там в $14\frac{3}{4}$ раз дольше нашего. Обитатели Луны не видят, подобно нам, Солнца и созвездий каждые 24 часа; для них они являются и исчезают один раз в течение 29 дней; из этого должно, однако ж, исключить Землю, которая кажется им в 15 раз более Солнца, представляется в голубоватом цвете и в неподвижном состоянии; для жителей экватора она имеет вертикальное положение, а для обитателей полюсов стоит на горизонте, изменяя несколько свое спокойствие мнимым колебанием то в одну, то в другую сторону. Жители противоположной части Луны лишены сего зрелища и не имеют освещения, которое заимствует у Земли ближайшая к ней сторона. Зато вид неподвижных звезд, блеск коих, по причине редкой атмосферы, должен быть там гораздо значительнее нашего, образует для них великолепнейшую картину. Недостаток атмосферы и вод, одинаковое положение времени года и проч. должны иметь большое влияние на растительное и животное царства Луны, о которых мы, впрочем, не имеем никакого определительного понятия. Сколько ни старались астрономы познакомиться с поверхностью и с качествами Луны, им, однако ж, не удалось открыть признаков ее обитаемости. Правда, некоторые из них заметили на Луне крепостные строения, большие дороги и разные другие предметы; но все это требует подтверждения. Чтобы иметь полное обозрение лунной поверхности и удобнее замечать будущие перемены, многие и прежде уже занимались подробным изображением оной; в сем отношении Шрёттер заслуживает особенное внимание; его Селенография* содержит в себе многие любопытные предметы. Но *Топография видимой части лунной поверхности*** Лормана представляет еще важнейшие результаты».

Теперь перейдем к новым, великим открытиям, составляющим предмет этой статьи.

---

* География Луны.

** *Topographie der sichtbaren Mondoberfläche*. Leipzig, 1821. 4°.

В этом чрезвычайном прибавлении к нашему периодическому изданию (сказано в выше помянутом журнале), почитаем мы за счастье сообщить английской публике, а сим путем и всему просвещенному миру, новые открытия в области астрономии. Эти открытия будут незабвенным памятником времени, в которое мы живем, и нынешнему поколению доставят права на признательность потомства. Стихотворцы говорили, что небесные созвездия суть наследственное достояние человека, как разумного обладателя материального творения; ныне человек, еще с большей уверенностью в свое умственное превосходство, может вникнуть в тайны звездного мира.

Невозможно наблюдать великие астрономические открытия без того, чтобы не проникнуться тем чувством, с которым отделившийся от плоти дух открывает неизвестные ему явления будущей жизни. Нам, существам, прикованным по непоколебимым законам природы к земному шару, кажется, что мы, удовлетворяя свое любопытство созерцанием отдаленных, тайных творений Создателя, что мы обладаем неестественной, необъятной силой. Присвоение себе этой силы, в которой нам отказано Высшим Существом, почти кажется дерзким, когда человек, в смелой надежде на свои духовные силы, переступает границы прав, ему предоставленных, и вникает в сокровенные таинства других миров. Нам достоверно известно, что бессмертный Гершель, которому человечество обязано познаниями, в первый раз озарившими свет, по устройении своего нового снаряда, с совершенной уверенностью в успехе и прежде приступления к наблюдениям, провел несколько часов в торжественном размышлении, чтобы приготовить свой дух к открытиям, которые, как он был уверен, должны были удивить миллионы его ближних и поставить его имя наряду с именем его отца и даже выше его. И в самом деле, ему следовало провести некоторое время в размышлении! С той минуты, когда первый человек раскрыл глаза и начал созерцать величие лазурной небесной тверди, человеческие знания не получали приращения, которое, относительно занимательности, могло бы сравниться с открытиями Гершеля. Мы полагаем, что когда открытия его, подробно описанные в сочинении*, уже изготавленном к печати, сделаются известными публике, то, вероятно, будут признаны чрезвычайно важными в отношении к существенным предметам нашей жизни. Гершель готовился сделаться единственным обладателем удивительных таинств, сокрытых от взоров всех обитавших с создания мира на земле, и в эту минуту ему казалось, что науки возложили на него венец, который должен был дос-

---

* Говорят уже, что сочинение сие будут продавать по 10 луидоров 10 сант. *Примеч. перевод.*

тавить ему бесспорное преимущество над всеми живущими существами и над давно исчезнувшими поколениями. Потому, прежде снятия печати с ящичка, чтобы вынуть из него клад, посвятил он несколько часов на размышление.

Для объяснения нашего восхищения заметим здесь, что младший Гершель, посредством телескопа чрезвычайного размера, на своей обсерватории в южном полушарии, по совершенно новым правилам, сделал удивительные открытия во всех планетах нашей солнечной системы, и даже так ясно видел планеты других солнечных систем и предметы в Луне, как мы, на нашей планете, видим предметы, отстоящие от нас в 100 ярдах; далее он решил, что наш спутник обитаем и даже описал род существ, на нем находящихся.

Своевременным и почти исключительным сведением о всех сих обстоятельствах обязаны мы г. Андрею Гранту, воспитаннику старшего и в течение нескольких лет постоянному помощнику младшего Гершеля. В качестве секретаря последнего на мысе Доброй Надежды и неутомимого наблюдателя при большом телескопе, он в состоянии был сообщить нам столь же важные сведения, какие доктор Гершель доставил Королевскому Астрономическому обществу. Г. Грант, между прочим, уверяет, что огромные документы, без сомнения рассматриваемые ныне комиссией, назначенной сим обществом, заключают в себе не более как описание отдельных предметов и математическое объяснение известий, сообщенных им нам в своей обширной переписке. Дозволением доставить нам драгоценные известия г. Грант и мы обязаны великодушному бескорыстию доктора Гершеля, который, не имея в виду каких-либо наград, столь достойным образом почтил и наградил своего сотрудника на поприще наук. Приложенные им снимки с селенитических животных и других предметов, равномерно с светового образа различных планет, суть копии с рисунков, составленных в обсерватории кавалера Герберта Гоме, под личным надзором которого перевезены рефлекторы из Лондона на мыс Доброй Надежды, и им самим там установлены; эти рисунки суть верное доказательство блистательного успеха рефлекторов. Снимок с Юпитерова кольца есть в уменьшенном виде копия с рисунка, изготовленного самим доктором Гершелем и заключающем в себе результат новых открытий, сделанных им в сей планете. Снимок внутренности Сатурнова кольца составлен с большого рисунка г. Гранта.

Первоначально мы займемся рассмотрением бумаг, содержащих в себе описание и историю инструмента, посредством которого сделаны эти удивительные открытия. Познания первого почти необходимы для ясного понятия последних.

Описание телескопа младшего Гершеля

Известно, что большой зеркальный телескоп покойного старшего Гершеля, с объективом в четыре фута в диаметре и с трубкой длиной в сорок футов, увеличивал предметы более, нежели в шесть тысяч раз. Впрочем, для близких астрономических предметов могла быть употребляема только самая малая часть сей силы, потому что за слабостью света столь значительно увеличенных предметов, они казались несравненно неяснее против того, когда, при наблюдении их, была употребляема только третья или четвертая часть этой силы. По сей причине, при наблюдении месяца и планет, он употреблял силу увеличения в 220, 460, 750 и 900 раз, и сим способом сделал свои любопытные открытия. Напротив того, при наблюдении двойных и тройных неподвижных звезд и отдаленных туманных пятен, он употреблял всю силу своего инструмента. Закон оптики, что каждый предмет, по мере его увеличения, оказывается неясным, после подтверждения сего закона на этом огромном телескопе, казалось, поставлял непреодолимые препятствия дальнейшим открытиям в нашей солнечной системе.

За несколько лет до своей смерти достопочтенный астроном полагал удобным устроить ряд улучшенных параболических и сферических рефлекторов, которые, соединяя все выгоды грегорианских и ньютоновых инструментов, могли бы с помощью важных открытий Доллона касательно бесцветности стекол исправить значительным образом вышеозначенный недостаток. Такое намерение доказало необыкновенные его дарования в механических изобретениях и глубокие исследования в оптике; но болезненное состояние и наконец смерть воспрепятствовали ему исполнить сие намерение. Сын его, нынешний Джон Гершель, можно сказать, родился и воспитан в обсерватории; со времени болезни отца он занимался астрономией практически и был так твердо убежден в справедливости и важности сих теоретических начал, что решился произвести опыт во что бы то ни стало. Через два года по смерти отца, он привел к окончанию старый свой снаряд и приспособил его к новому телескопу почти с совершенным успехом, Увеличивая вид лупы в шесть тысяч раз — он получил, под новыми рефлекторами, фокусное изображение необыкновенно ясное и ничем не помрачаемое; свет доходил до высочайшей степени, которая может только быть заимствована у Луны большим зеркалом.

Достигнутое таким образом приращение угла зрения может быть определено, когда расстояние Луны от места наблюдений приводится в делимость увеличительной силой инструмента. Так как первое

простирается на 249,000 миль, а последняя действует в шесть тысяч раз, то отсюда и происходит частное число, состоящее из 40 миль и представляющее мнимое расстояние этого спутника от глаз наблюдателя. Известно, что на земле никакой предмет далее этого расстояния не может быть видим простым глазом даже с высот, имеющих самое выгодное к тому положение. Круглый вид земли причиной, что нельзя видеть далее сего пространства и предметы, усматриваемые в сказанном отдалении, находятся обыкновенно на больших высотах. Но из сего еще не следует, чтоб предметы, рассматриваемые на Луне помощью телескопа, в расстоянии 40 кв. миль, представлялись с такой же ясностью, как те, кои видны бывают в подобном отдалении на Земле.

Несмотря, однако ж, на то, отец Гершеля доказал, что посредством тысячекратного увеличения можно отличать на Луне такие предметы, которые имеют не более 100 ярдов* (yards) в поперечнике. Если принять после этого в рассуждение полное действие телескопа, снабженного рефлекторами, устроенными Джоном Гершелем, то будет математически верно, что на Луне можно различить предметы, имеющие не более 20 ярдов в диаметре. Но предметы сии являются в виде слабых точек, без всякой формы и не имеют ясности более, чем те, которые усматриваются на земле простыми глазами в расстоянии 7 миль. Ибо, хотя свет сосредоточивается с большой исправностью, недостаток оного все-таки весьма ощутителен и противоположное отношение силы его к величине фокуса вполне отвращено быть не может. А потому успехи молодого Гершеля в наблюдениях Луны были, при всей их блистательности, несовершенны и неудовлетворительны. Конечно, ему было возможно поверить открытия прежних наблюдателей; например, существование вулканов, открытых отцом его и Шрёттером, перемены, замеченные последним в огнедышащих горах Светлого Моря, *des Mage Crisium*, были подтверждены и подвергнуты точнейшим наблюдениям. Несоразмерная вышина, приписываемая лунным горам, была измерена надлежащим образом; известные конические возвышения и кольцообразные горы, заключающие в себе значительные долины, среди которых находятся обыкновенно горные вершины, были точнее рассмотрены. В массе, которую профессор Фрауенгофер принял за лунную крепость, д. Гершель узнал плоскую возвышенность, образуемую горой, имеющей примечательную форму пирамиды; в линиях, которые почитались дорогами и каналами, он усмотрел острые оконечности холмов, расположенных правильными грядами; и то, что Шрёттер называл большим городом, явилось ему до-

---

* Ярды = 3 английским футам; известно, что английский фут равен русскому футу.

линой, усеянной обломками скал, которых величина простирается по меньшей мере до 1000 ярдов в поперечнике.

Таким образом, всеобщая география Луны, со всеми описаниями мысов, материков, гор, морей и островов, получила точность и ясность, которыми не могут похвалиться прежние наблюдатели; притом, доказано удивительное несходство многих предметов на Луне с нашими. Лучшие и пространнейшие карты этого спутника были составляемы по сим наблюдениям, и ни астроном, ни публика не могли предполагать, чтоб возможно было сделать новые успехи в открытиях на Луне после употребления огромнейшего телескопа в мире; невозможно было ожидать устройства еще огромнейшего телескопа, да и польза от того казалась сомнительной. Закон природы и высшие человеческие знания как будто бы нарочно соединились между собой, дабы поставить непреодолимые преграды новым изобретениям и улучшениям телескопов, служащих для наблюдения известных планет и спутников солнечной нашей системы. Ибо, так как нельзя было заставить Солнце уделять более света этим телам, которые тогда могли бы удовлетворить нашему любопытству, то и нельзя было ожидать от науки значительнейших успехов в сем отношении. Телескопы не могут произвести света, они, напротив, поглощают часть оного. По сей причине труды знаменитых предшественников д. Гершеля и его собственные не подавали ему надежды, чтоб искусству людей удалось еще более усовершенствовать зрительные снаряды. Гюйгенс, Фонтана, Грегори, Ньютон, Хадлей, Бирд, Шорт, Доллонд, Гершель и многие другие практические оптики истощили все средства, изобретали всевозможные увеличительные стекла и телескопы и воспользовались всеми применениями оптики. Д. Гершель, при составлении новых и необыкновенных своих зеркал, избрал самую лучшую смесь металлов, которую представляли новейшие открытия химии; он наблюдал со страхом и надеждой за их блеском, рождавшимся в руках художника; но при всем том не мог ожидать новых и благоприятнейших результатов; ему осталось утешительное убеждение, что, если бы даже удалось сесть на пушечное ядро и лететь с ним несколько миллионов лет сряду, то все-таки нельзя было бы видеть отдаленных неподвижных звезд яснее, чем в краткое время наблюдений; и что потребна в течении почти целого года быстрота значительнее скорости паровой машины, пробегающей в один час 50 миль, чтоб приблизиться к небесным телам для удобнейшего рассмотрения их. Решение вопроса: обитаема Луна или нет? — основывалось на одних догадках.

Итак, казалось, что дальнейшие открытия сего рода были невозможны. За три года, однако ж, пред сим д. Гершель разговаривал с сиром Бревстером о выгодах многих его исследований и улучшений ка-

сательно ньютонова рефлектора, напечатанных в Эдинбургской энциклопедии (с. 644). Гершель упомянул при этом случае об удобстве и простом устройстве старых телескопов, не имевших труб, и объективное стекло которых, укрепленное на высокой оси, отбрасывало предмет, изображаемый фокусом, на расстояние 150 и даже 200 футов. Бревстер утверждал, что трубка вовсе не нужна; и заметил, что отражаемый предмет должен быть проведен в темную камеру, и там подвергнуться надлежащему действию рефлекторов. Гершель прибавил, что, если бы большой телескоп его отца (труба которого, несмотря на всевозможную легкость материалов, весит 3000 фунтов) имел удобнейшую подвижность, то мог бы употребляться с большей пользой без трубы, которая очень затрудняла его действия. Они оба скоро в этом согласились и обратили разговор на главное препятствие, состоящее в умалении света при увеличительных стеклах большого размера. После некоторого размышления Гершель спросил с робостью: *Нельзя ли употребить света искусственного?* Бревстер был поражен оригинальностью этой мысли и, помолчав несколько, напомнил о затруднениях, происходящих от преломления лучей и от угла падения. «Почему бы, — продолжал он, — не употребить микроскопа, освещенного смесью водорода с кислородом, для увеличения света в предмете, отражающемся в фокусе; а в случае нужды и для увеличения объема оного?» Гершель, в восторге от этих слов, вскочил со стула, бросился обнимать своего товарища и вскричал: «Ты разгадал тайну!» Оба философа начали объяснять друг другу действие лучей помянутого микроскопа, которые, проходя сквозь каплю воды, содержащую в себе яйца насекомого или какой-либо другой предмет, недоступный простому глазу, делают его не только приметным и ясным, но и увеличивают на несколько футов; подобным образом, тот же искусственный свет мог бы увеличить и привести в ясность малейшие части предмета, изображаемого в фокусе телескопа. Единственное важное условие при этом — найти такой реципиент для предмета, помощью которого сей последний мог бы переходить без преломления лучей на поверхность стекла. Производя общими силами разные испытания, астрономы нашли, что чистейшее листовое стекло может служить верным к тому средством (они брали стекла из магазина золотых дел мастера Карла Х. Дезанжа, живущего в улице High Street). Такое стекло оказалось удобным для телескопа, увеличивающего во сто раз предметы и для микроскопа, почти втрое сильнеею.

Джон Гершель приступил тогда к устройству огромного своего телескопа; так как приблизительная сила зрительной трубки отца его простиралась только на 40 миль, то он и решился приготовить увеличительное стекло огромнейшего размера. Дабы приобрести к тому

денежные средства, без которых никакие успехи в науках невозможны, он представил план свой, при пособии Бревстера, Королевскому обществу и старался обратиться на оный особенное внимание президента сего общества, Его Королевского Высочества герцога Суссекского, который известен за самого щедрого покровителя наук и художеств. Комиссия, учрежденная для рассмотрения этого плана, приняла оный с живейшим участием и удостоила своего одобрения; вследствие того, для приведения в действие предприятия Гершеля, была открыта подписка; герцог назначил от своего лица 10,000 долларов и сверх того обещал испросить пособие у Короля, что немедленно и исполнил. Узнав, что расходы будут простираться до 70,000 фунт. Стерлингов, Король спросил весьма простосердечно: «Будет ли этот дорогой инструмент полезен для мореплавания?» и, получив утвердительный ответ, Король изъявил на то полное свое согласие.

По расчислению д. Гершеля, предметное стекло долженствовало иметь 24 фута в диаметре, следовательно ровно в 6 раз более того, которое употреблял отец его. Отлитие столь тяжелой массы он поручил заводу Гартлия и Гранта (последний есть брат достойного нашего друга доктора Гранта), находящемуся в Дунбартоне. Назначенный для того материал состоял из смешения двух частей лучшего кронгласа с одной частью флинтгласа, в употреблении которых отдельно для увеличительных стекол ахроматических телескопов заключалось важное открытие Доллонда. Точнейшие исследования показали, однако ж, что смешение могло бы произвести удовлетворительный результат касательно бесцветности стекол. Пять равнодействующих и совершенно сходных между собою печей, соединенных большим проводником, были наполнены сказанной массой и 3 Января 1833 года произведено первое литье. После восьмидневного охлаждения форма была открыта и оказалось, что стекло имело значительные трещины, образовавшиеся в 18 дюймах от центра. Несмотря на такую неудачу, 27 того же месяца приступили к отлиту нового стекла, которое в течение первой недели февраля было вынуто из формы. На сей раз старания увенчались полным успехом: стекло удалось совершенно; заметны были только две незначительные трещины, которые, находясь почти у самых краев стекла, легко могли быть закрыты медным кругом, куда надлежало оное вставить.

Вес этого удивительного стекла равнялся 14,826 фунтам и простирался, после полировки и шлифования, почти до семи тонн*; предметы же увеличивались оным в 42,600 раз. Вследствие того, можно было надеяться видеть на Луне предметы, имеющие немного более

---

* Тонна = 2,000 фунтов.

18 дюймов в поперечнике, предполагая произвести надлежащее освещение фокуса действием искусственного света. Прочность теории, на которой Гершель основывал свои надежды, зависела, следовательно, не столько от силы микроскопа, производящего искусственный свет, сколько от успешного действия этого света на предметы, изображаемые фокусом увеличительного стекла. Он в особенности полагался на то, что этот инструмент можно будет употреблять различным образом как вторую увеличительную силу, долженствующую далеко превзойти действие огромнейших стекол этого рода. Уверенность его в успехе простиралась до такой степени, что он даже надеялся изучить энтомологию Луны в случае, если бы там оказались насекомые. После отлития стекла и по перевезении его в столицу, Гершель занялся приготовлением удобного микроскопа и устройством станка, на котором бы весь снаряд мог горизонтально и вертикально двигаться. Так как предприятие во всех отношениях было обдумано точнейшим образом, то исполнение его не встретило никаких затруднений, и он ожидал только назначенного времени для сопутствования великолепному своему аппарату к месту его назначения. С некоторого времени Комитеты долгот Англии, Франции и Австрии находились между собой в переписке насчет улучшения таблиц, определяющих долготу южного полушария и признанных несовершенными в сравнении с такими же таблицами северного полушария. Высокое мнение британского Комитета долгот о новом телескопе и о чрезвычайном искусстве его изобретателя побудило правительство воспользоваться его услугами по случаю прохождения Меркурия чрез круг Солнца 7 ноября нынешнего года в 7 часов, 47 минут, 55 секунд среднего времени или в 8 часов, 12 минут, 22 секунды звездного времени, после чего Меркурий исчезает почти на всем пространстве северного полушария. Наблюдения прохождения Меркурия и Венеры через круг Солнца, при таких обстоятельствах, производились европейскими астрономами обыкновенно на мысе Доброй Надежды. Так как Меркурий принимает подобное направление гораздо чаще Венеры, которая проходила в последний раз через круг солнца в 1769 и возвратится туда не ранее 1874 года, то наблюдения ононого, с точностью производимые, в особенности полезны для астрономии и мореплавания. В сем отношении Меркурий представляет почти такую же важность, как и Венер ; ибо, если последняя способствует к точному определению солнечного параллакса, коим измеряется расстояние планет от Солнца, то прохождение Меркурия дает средство к обозрению противостоящих его точек и тем самым определяются параллаксы Земли и Луны независимо от параллакса Солнца, причем получают большое усовершенствование измерения долгот посредством наблюдений Луны, для

которых мыс Доброй Надежды есть удобнейшее место на целом южном полушарии. Астрономическая экспедиция, отправленная в половине прошлого столетия в Перу для определения вида земли, вместе с подобной же экспедицией, посланной в Лапландию, заметила, что притяжение гор отклоняет маятник самого большого инструмента на 7 или на 8 секунд от перпендикулярной линии. Плоские возвышенности мыса Доброй Надежды имеют, напротив, преимущество чистого и прозрачного воздуха и не подвержены влиянию гор, затрудняющему наблюдения.

Гершель принял охотно такое поручение и даже решился приступить к делу за год до сказанного прохождения Меркурия, дабы иметь время, потребное на устройство столь сложного и огромного телескопа.

Он отправился из Лондона 4 сентября в сопровождении доктора Гранта, поручика артиллерии и члена Королевского Астрономического общества Друммонда и многих известных английских механиков. Скоро и приятно достигли они места своего назначения и немедленно приступили к перенесению большого стекла и потребных для обсерватории лесов на избранное место, которое находилось на странной плоской возвышенности в 53 милях к западу от Капштадта.

Это было то самое место, где де ла Кайль в 1750 году составил драгоценные свои солнечные таблицы, измерив один градус меридиана и определив солнечный параллакс гораздо точнее прежнего. Чтоб достигнуть возвышенности, впрягали разом по 14 быков; это продолжалось четыре дня, после которых Гершель приступил, с помощью большого числа голландских крестьян, к устройству огромной своей мастерской.

Нижняя часть здания подобна гершелеву телескопу в Англии с той разницей, что, вместо круглого основания из кирпича, здесь употреблено шинное железо в виде параллельных кругов, лежащих на балках, так что обсерватория, обращаясь на параллельных кругах действием простого механизма, может быть переставлена с самого внешнего до самого внутреннего круга, служащего в то же время основанием обделке, к которой прикреплено выпуклое стекло. Диаметр меньшего (внутреннего) круга в 28 футов; о величине диаметра большего корреспондент, по странному случаю, нам не сообщил, хотя и можно некоторым образом определить ее, соображаясь с углом впадения выпуклого стекла и широтой обсерватории. Последняя есть деревянный куб в 50 квадратных футов с плоской крышей и с дождевыми отводами из медных листов. В стороне, обращенной к стеклу, находится отверстие в 4 фута в диаметре для сосредоточения лучей, а на крыше другое отверстие для наблюдений меридиана. Стекло вставлено в деревянной

раме, окованной медью, и висит на оси между двумя столбами почти одинаковой величины с известными квадрантами Улей Бея, т. е. в 150 фут. Столбы сии связаны поперечными балками и укреплены несколькими диагональными подпорами. Между ними находятся двойные блоки для подъема стекла на степень высоты, нужную при наблюдении меридиана. Сие последнее действие поверяется огромным двойным секстантом, соединенным с осью стекла, приводимого вместе с ним в движение и разделенным на градусы, минуты и секунды. И, так как горизонтальные круги обсерватории равномерно разделены на 360 и каждый градус имеет свои подразделения, то целый снаряд действует со всей силой и правильностью величайшего мерителя высоты. По неимению в нем труб он соединяется с обсерваторией посредством двух рычагов, которые лежат горизонтально под основанием всего здания, выходит из-под столбов и постоянно содержит стекла в одинаковом направлении с обсерваторией, сообщая им всегда равное движение. Посредством сих рычагов обсерватория может быть приближена к столбам, сколько наблюдения того требуют; и если бы даже наибольшее приближение ограничивало наблюдения одним большим стеклом, которое показывает предметы не выше 15 градуса меридиана, то и сей недостаток может быть заменен отличным гершелевским телескопом необычайной силы, который показывает и каждый высший градус. Рассматриваемый предмет, изображающийся на полу или на стене наблюдательной камеры, имеет около 50 футов в диаметре, а как форма его круглая, то он и объемлет до 1785 квадратных футов. Основание всех горизонтальных движений с точностью нивелировано поручиком Друммондом посредством ватерпаса, им изобретенного и известного под его именем. Кругообращение же как обсерватории, так и самого снаряда, на котором находится стекло, облегчено до того, что один человек с помощью рычагов может приводить в движение все здание, а два человека, обращающие ось, могут опустить обсерваторию до самого основания; облегчение сие достигнуто уменьшенным действием обращающихся в масле цилиндров.

Оба рода движения производятся механизмом, управляемым в наблюдательной камере только одним человеком и определяющим, посредством остроумно придуманного указателя, каждый дюйм оборота.

Предварительное описание гершелева телескопа помещено нами потому, что изложение правил, по которым телескоп сей устроен, и исчисление его преимуществ и силы почитаем мы необходимым для того, чтобы читатели могли понять сделанные посредством его открытия, и вместе с тем полагаем, что изобретение сего орудия есть самое несомненное доказательство, до какой степени совершенства доведена в нынешнее время механика. В последних числах декабря месяца

Ф. Венцель. <Наблюдения Луны>. Литография (ок. 1836).

телескоп был готов, и по привезении почти в это же время из Англии рефлекторов для микроскопа приступлено было, на первой неделе следующего месяца и года, к делу. В течение нескольких месяцев наблюдения, несмотря на удивительный успех их, содержались в такой же тайне, как при изобретении и устройстве рефлекторов. Неизвестно, сомневалось ли английское правительство в исполнении обещания о великих открытиях, или намеревалось сохранить их в тайне до того времени, пока они не увенчают полной славой всей нации и самого Гершеля. На этот вопрос можно отвечать только одними предположениями. Впрочем, не подлежит сомнению, что Гершелю поручено было скрывать все открытия до окончательного объявления им об успехе своего исполинского предприятия. По сей причине не было ничего известно ни о Гершеле, ни о его попытках до напечатания в газетах, за несколько месяцев пред сим, письма, в коем будто бы он писал с мыса Доброй Надежды австрийскому астроному в Вене (Литрову), что комета, которая должна была явиться в 1855 году и подойти столь близко к Земле, что можно было услышать треск ее пламени, приняла другое направление, и что она даже концом своего хвоста не коснется до наших полей и лесов. Но, так как ученые Европы не могли знать ни чрезвычайных средств сира Дж. Гершеля, чтобы решиться сделать столь смелое объявление, ни его тайны, то на открытие его смотрели с неимоверным презрением и устрашали себя и весь свет прежними ужасными предсказаниями.

Новые открытия на Луне

До 10 января предпочтительно наблюдали южные созвездия, в которых, без помощи рефлектора, гидрооксигеном освещенного, было открыто бесчисленное множество звезд и туманных пятен. Сведения, доставленные нам о сем предмете, мы сообщим впоследствии, а между тем поспешим ознакомить наших читателей с чрезвычайно любопытными открытиями, сделанными на самой Луне. В этом отношении ссылаемся на подробные математические изложения док. Гранта, на сделанные Дж. Гершелем улучшения в таблицах о тропическом, сидерическом и синодическом течении Луны, касающиеся до тех явлений в сизигиях, на коих преимущественно основывается теория Луны.

В 10 часов вечера, почти в половине десятого (месяц находился около четырех дней в первой четверти) Гершель занялся наблюдением восточной части Луны. При сем была употреблена вся необы-

чайная сила телескопа, а к фокусному изображению была приложена почти половина силы микроскопа. По снятии крышки с микроскопа, взорам наблюдателя представились в самом ясном виде базальтовые горы. Они были темно-зеленого цвета. В первых показавшихся массах незаметно было ни малейших расщелин; но спустя несколько секунд появился отдельный отломок в пять или шесть столбов в виде шестиугольника и, в связи с другими частями, похожий на базальтовые горы в Стаффе. Эта опрокинутая скала была покрыта пурпуровыми цветами, имевшими большое сходство с *Papaver Rhoeas* или *Klatschrose*, растущей на наших хлебных полях. Это растение было первое органическое произведение, открытое человеком в новом мире.

Скорость восхождения Луны или, лучше сказать, движение Земли, обращающейся, как известно, в одну секунду почти на 500 ярдов, вероятно, воспрепятствовало бы открытию столь малых предметов, как вышеупомянутые, если бы посредством удивительного механизма, с помощью секстанта, не была уравниваема высота стекла. Действия сего механизма были столь совершенны, что наблюдатели могли удерживать на стекле предмет своего наблюдения столько времени, сколько почитали нужным. Открытием растения в Луне был разрешен столь важный предмет, что наблюдатели не могли отказать себе в удовольствии замедлить минуту, в которую вид растения долженствовал для них исчезнуть. Сим открытием было доказано, что Луна имеет атмосферу, подобную нашей, заключающую в себе органические, а следовательно, и животные существа. Когда растения исчезли, то на полотне отразились базальтовые горы на трех поперечниках горизонта. Затем появился зеленый кособок чрезвычайной красоты, и вдвое выше предыдущего изображения. После того показалась масса, почти столь же высокая, как и прежняя, и у подошвы ее, к величайшему их удивлению — лес!

Деревья, говорит г. Грант, «в течение десяти минут казались одного и того же рода и не имели ни малейшего сходства с виденными мною до сего времени, за исключением тиса, растущего в Англии на кладбищах. Затем следовали: ровная плоскость, которая была, судя по изображению на полотне, содержащему в себе 49 футов, на полмилю в ширину, потом еловый лес, но столь прекрасный, какой я только видел в горах моей родины. Устав от непрерывного следования за лесом, мы уменьшили увеличивающую силу микроскопа и неприметным образом спустились с живописной возвышенности к берегу озера, которого свойство, положение и пространство, по причине слишком великого увеличения, не могли сначала определить. Посему мы прибегли к нашему самому слабому ахроматическому стеклу и заметили, что открытое нами озеро, по своему очертанию, было похоже на *Mare Nubium*,

названное таким образом Риччиолием. Это обстоятельство породило в нас мысль, что, хотя мы начали наши наблюдения на восточной стороне Луны, но через замедление, происшедшее в уравнивании большого стекла, спустились почти до оси экватора. Но, так как мы не хотели ограничиться рассмотрением на Луне одной какой-либо части и имели возможность каждую минуту переменять картину, то и решились, посредством наших магических стекол, исследовать берега упомянутого озера. Почему Риччиоли назвал его *Mare Nubium*, мне неизвестно, разве для того, чтобы выставить Клеомена с смешной стороны, потому что невозможно представить себе берегов, прелестнее нами упомянутых. Берег, покрытый белым песком блестящего вида, был окружен дикими, высокими мраморными скалами, по-видимому, зеленоватого цвета, отделенными друг от друга пропастями в 200 или 300 футов ширины, и украшенными по оконечностям тенью неизвестных деревьев, которые колебались на стене нашей камеры, а мы смотрели с безмолвным удивлением на такое явление. Вода казалась нам голубого цвета, почти как в океане, и ударялась в берег белыми волнами. На пространстве почти ста миль явно были заметны на скалах следы высоких приливов. Сколь ни разнообразны были эти и следующие места, однако мы не видели еще ни одного живого существа, хотя и от нас зависело осмотреть каждое место в перспективе или с передней стороны. Г. Гольм, однако, объявил, что предметы круглого вида, замеченные нами в одной пещере, почитает большими улитками (*Amons-hörn*); мне же показались они огромными камнями кремнистой породы, занесенными туда приливом. Следственно, наши старания открыть живые существа остались на сей раз без успеха. Спустя два часа наблюдения, проведенного нами в рассматривании бесплодной и, по-видимому, вулканического свойства огромной плоскости, лишенной всяких произрастаний, кроме чего-то похожего на мох, док. Гершель предложил вынуть все наши выпуклые стекла, ускорить следование видов и рассмотреть некоторые известные астроному лощины. Этот только способ мог увенчать наши наблюдения открытием на Луне живого существа. Стекла были вынуты, и блеск нашего рефлектора, отличного во всех отношениях, нисколько не уменьшился; мы нашли сходно с нашими исчислениями, что телескоп представлял на полотне около 20 квадр. миль поверхности Луны, и в отношении изображения как очерков, так и отдельных частей с такой ясностью, как бы они были рассматриваемы на Земле в расстоянии двух с половиною миль; это оптическое явление объяснено в прибавлении 5-м (?). Таковое устройство доставило нам возможность обозреть столь прелестные места, каких мы до того времени не видали, и, хотя движение телескопа было слишком быстро, тем не менее, эта картина доставляла

нам неизъяснимое удовольствие. Несколько известных лощин, окруженных высокими горами столь конической формы, что скорее их можно было почитать произведением искусства, нежели природы, промелькнули по полотну прежде, нежели мы могли заметить их полет. Немедленно за тем явились совершенно новые изображения, и потому док. Гершель приказал уменьшить движение. В числе сих изображений находилась цепь гор, имевших вид обелисков и пирамид, стоявших в неправильных группах. Каждая из сих групп состояла из 30 или 40 четвероугольных столбов, похожих на прелестные валлийские кристаллы и чрезвычайно блестящих. Я наверное полагал, что мы открыли произведение искусства; но г. Гершель насмешливо заметил, что, ежели бы обитатели Луны в состоянии были застраивать пространства в 30 и 40 миль подобными памятниками, то, без сомнения, мы открыли бы ранее другие, менее сомнительного вида. Горы сии признал он кварцевыми, из рода красного аметиста, и после сих и других доказательств силы кристаллизации на нашем спутнике предположил, что на нем могут быть произведены значительные минералогические изыскания. Мы вставили стекло и удостоверились в справедливости его предположения: виденные нами пирамиды были огромные аметисты красного цвета, блиставшие при солнечном свете. Они возвышались от 60 до 90 футов; некоторые из них превосходили эту меру и достигали чрезвычайной высоты. Они находились в лощинах, разделенных между собой круглыми, прекрасными холмами, покрытыми зеленью. Замечательно, что самые лощины, заключавшие в себе эти удивительные кристаллы, были совершенно бесплодны и покрыты камнями, похожими на колчедан (*iron pyrites*). Мы открыли, что эти редкости находились на полмили углубления, известного под названием Моря Изобилия (*Mare Foecunditatis*), названного так Майером и Риччиоли. Никогда, может быть, не давали названия, более несообразного с предметом. Все пространство от Дана до Берсаба было пусто. Берег состоял из известняка и кремней, и в самые лучшие стекла мы не могли открыть ни малейших следов растительной силы. Когда все озеро, простиравшееся, по нашему мнению, на 300 миль, промелькнуло пред нашими глазами, прибыли мы в гористую страну, покрытую лесами, состоявшими из несравненно большего рода деревьев, нежели какие мы видели до того времени; породу же их я не в состоянии определить. По наружному виду были они похожи на наш дуб, но расположением ветвей и листьев превосходили его; листья были широкие и языкообразные, и имели некоторое сходство с листьями лаврового дерева; пуки желтых цветов, прикрепленных к ветвям, опускались до земли.

По миновании сих гор мы явились в месте, исполнившем нас удив-

ления. Это место было яйцеобразная лощина, окруженная, кроме небольшого отверстия на юге, карминного цвета холмами, состоявшими только из кристаллизаций, потому что обрывы и пропасти, часто встречавшиеся и весьма глубокие, состояли из лежавших друг на друге огромных слоев многоугольных кристаллов. Множество водопадов низвергались из этих скал, и некоторые из них находились столь близко от их вершины и ниспадали с такой силой, что образовывали собой дуги в несколько ярдов в диаметре. Никогда не припоминал я столь живо, как ныне, превосходное сочинение Байрона о хвосте белого коня. У подошвы этой цепи холмов находился лес, который, окружая всю долину, заключавшую в себе от 18 до 20 миль в ширину и 30 в длину, представлял подобие венца. Небольшие группы деревьев разных родов были рассеяны по всему пространству, и в этом месте надежда наша отыскать живые существа вполне исполнилась. В тени деревьев, на юго-восточной стороне, увидели мы большое стадо темных бизонов (*Bison ochsen*), которые были немногим менее наших быков. Хвост их ничем не отличался от хвоста наших буйволов (*bos grunniens*); по своим рогам, загнутым наподобие полумесяца, горбу на спине, величине подбородка и длине их волнистой шерсти, они совершенно уподоблялись породе, с которой я их сначала сравнил; но устройство передней части их головы имело свои особенности (эти особенности были впоследствии замечены у всех открытых нами на Луэ животных): все эти животные имели большой мясистый нарост над глазами, который простирался поперек лба до самых ушей. Этот нарост, покрытый волосами, мы очень явственно могли отличить; видом он весьма походил на переднюю часть известного дамам чепца Королевы шотландской Марии, и приводился в движение посредством ушей. Доктор Гершель тотчас догадался с обыкновенной своей проныцательностью, что благое Провидение дало животному этот нарост для предохранения глаз при слишком быстрых переходах от света к тьме, которым все обитатели обращенной к нам части месяца периодически бывают подвержены. Первое открытое нами животное приняли бы на земле за уродца. Оно было синевато-свинцового цвета, величиной с козу, с такой же головой и бородой и с одним рогом, немного согнутым кпереди. У самки не было ни рога, ни бороды, но хвост был гораздо длиннее. Этих животных мы видели целыми стадами, и всего чаще на склоне гор, покрытых лесом. Стройностью и красотой своей они равнялись нашей сайге; это было веселое, живое создание, которое, как молодой барашек или жеребенок, быстро бежало, играло и прыгало по зеленой мураве. Это прекрасное животное доставляло нам невыразимое удовольствие. Смешное в его движениях отражалось на нашем полотне столь же верно и ясно, как будто

мы их видели в камере-обскуре, от которой бы оно находилось в нескольких саженьях. Мы неоднократно испытывали трогать пальцем какое-либо из этих животных за бороду или хвост, и оно быстро бросалось в сторону, как будто чувствуя нашу земную невежливость; но тотчас же являлись опять другие, которым мы уже ничем не могли помешать щипать траву, что бы им ни делали и не говорили.

Потом мы начали рассматривать среднюю часть долины и нашли широкую реку о многих рукавах с прекрасными островами и водяными птицами разных пород. Многочисленнее всех был род серого пеликана; также очень часто показывался пестрый журавль с необыкновенно длинными ногами и носом. Очевидно было, что они занимались отыскиванием корма, и мы некоторое время наблюдали их движения в надежде увидеть лунную рыбу. Но, хотя это нам и не удалось, а все-таки мы легко угадали, зачем они так глубоко погружали в воду свои длинные шеи. У верхней части одного из сих островов видели мы странное амфибообразное создание круглого вида, которое с большой скоростью катилось поперек каменистого берега и исчезло у нас из глаз в реке, делающей поворот около этой оконечности острова. К несчастью, мы принуждены были оставить эту прекрасную плодоносную долину неисследованной, оттого что в атмосфере Луны начали скопляться облака, между тем как наша была чиста и ясна. Уж одно это было любопытным открытием, потому что наблюдатели, находившиеся в дальнейшем расстоянии или, лучше сказать, снабженные не столь отличными инструментами, оставили до сих пор под сомнением или даже отвечали отрицательно на вопрос, имеет ли Луна влажную атмосферу.

Месяц стоял низко и начал заходить. Доктор Гершель заметил, что увеличивавшееся преломление лучей будет препятствовать удовлетворительному дальнейшему продолжению занятий, и наши умственные силы были так утомлены от постоянного напряжения и возвышенного наслаждения, чувствованного нами, что мы взаимно согласились призвать наших товарищей, бывших у выпуклого стекла, и наградить их за непрерывное внимание несколькими полными бокалами лучшего ост-индского вина.

Мы с сожалением оставили прекрасную долину красных гор и называли ее, из уважения к нашему царственному покровителю, по его гербу “Долиной единорога”. Ее можно найти на карте Блунта в самой середине, между морем Изобилия (*Mare foecunditatis*) и Нектарным морем (*Mare nectaris*).

Ночи 11 и 12 были облачные и неблагоприятны для дальнейших наблюдений, но в две следующие 13 и 14 Января открыли мы других животных; эти открытия должны быть для каждого чрезвычайно лю-

бопытны». Мы сообщаем их, сохраняя в точности красноречивый язык нашего достойного повествователя.

«Удивительные открытия, сделанные нами во время наблюдений в первую ночь, — говорит он, — и блистательные надежды, которые они нам впредь подавали, содействовали нам каждый час лунного света драгоценным; не быв одарены философским терпением, мы не могли не сожалеть, будучи лишены этого света в продолжение двух облачных вечеров, хотя и принуждены были обратить должное внимание на сооружение прибавочных подпор и связей к выпуклому стеклу в 24 фута, которое немного было поколеблено сильным ветром, бывшим 11 числа утром. 15 Января ночь была чрезвычайно ясная и приятная. Месяц взошел на небе в блистательном великолепии, и окружавшие его звезды уступили ему неограниченное владычество над небосклоном. Так как то был предпоследний вечер в этом месяце, в который мы могли наблюдать западную его сторону по причине наступившего продольного колебания, то доктор Гершель уведомил нас, что он направит наши наблюдения на №№ 2, 11, 26 и 20 по блунтовой карте Луны, которые в новейшем каталоге известны под названиями Эндимиона, Клеомена, Лонгрена и Петавия. Он решился посвятить эту благоприятную ночь внимательному рассматриванию их, а также и пространств, находящихся между ними и краем.

Обняв пространство в 25 миль в ширину и медленно подвигаясь вперед, нашли мы скоро первый, весьма странно образованный предмет нашего наблюдения: чрезвычайно гористую область, которой самые возвышенные цепи образовали три небольшие овала, из которых два сближались между собой острыми концами и соединялись множеством высоких холмов, простирающихся на значительное расстояние, принимая вид расплетающегося мотка, которого концы постепенно расходились, начиная от узла. И третье овальное возвышение, подобное такому же мотку и как будто небрежно брошенное рукой природы, соединялось с другими; но та часть, которую можно было назвать концом этой полосы, представлялась как бы разрезанной на холмы, покрывавшие большое плоское пространство. Основание этих гор так примечательно, что оно с точностью означено почти на всех лучших картах Луны, когда-либо изданных; в блунтовой же, которая вернее всех, оно совершенно согласно с моим описанием. В окрестности упомянутой переломленной дуги холмов стоит овального вида гора, заключающая в себе долину чрезвычайной окружности, на западной стороне которой находится огнедышащая гора, производящая ужасные извержения. На северо-востоке отсюда и против “переломленных гор” находятся три другие отторгнутые возвышения, из коих самое большое и последнее означено в каталоге литерой F и обыкновенно име-

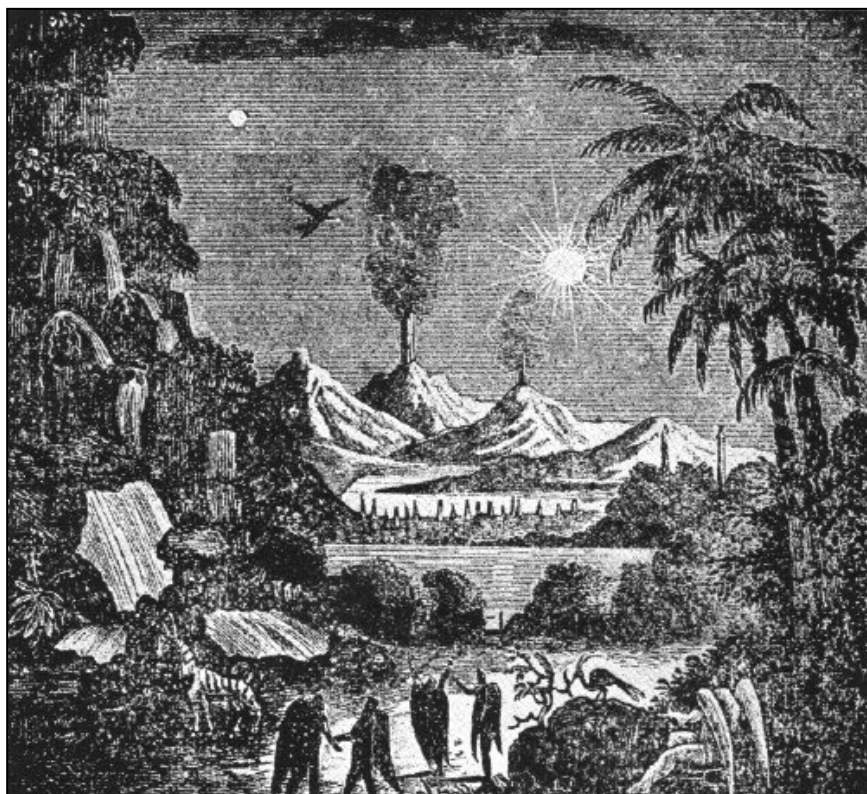
нуется *Mare mortuum* или Мертвое море. Желая узнать, более из любопытства, чем для философских изысканий, причину столь мрачного названия, употребили мы здесь наши газом освещенные увеличительные стекла у фокуса большого выпуклого стекла. В виденном нами пространстве в 25 кв. миль заключалась вся окружность этой большой цепи гор, равно как и оба кеглеобразных холма, которые в расстоянии 5 миль из нее выступают. Хотя ширина этого вида представляет предметы вообще в расстоянии двух с половиной миль, но все-таки мы не могли с точностью рассмотреть сих центральных холмов. Казалось, что они не были окружены таким туманом и дымом, как огнедышащая гора, оставленная нами на юго-западе; несмотря на то, они, в сравнении с нею, были неясно видимы на полотне. Лишь только мы дошли до освещенного газом выпуклого стекла, загадка была тотчас решена: то были кратеры выгоревших вулканов, из которых выходило еще горячее, но прозрачное испарение, представлявшее предметы их в некотором трепетании, что было крайне неблагоприятно для наблюдений; кратеры этих двух холмов, как только можно было заключить при сем препятствии, были глубиной в 15 сажен, без малейшего следа огня и почти сплошь желтовато-белого цвета. Диаметр каждого равнялся около $\frac{1}{9}$ диаметра нашего изображения или почти 450 футам, и пространство окружавшего их края было около 1000 футов; невзирая на узкие свои жерла, эти два вулкана наполнили, как казалось, всю окружность долины, в которой они находились, лавой и пеплом; а если не образовали, то по крайней мере способствовали увеличению высоты окружавшей их овальной цепи гор. Эти горы (как было в последствии вымерено по поверхности некоторых больших, окружающих оные озер) вышиной, средним числом, в 2800 футов, и доктор Гершель заключил из того, равно как и из большого протяжения их основания, которое простиралось вокруг их на многие мили, что эти вулканы должны были находиться в полной деятельности в течении миллиона лет. Лейтенант Друммонд полагал, напротив, что вся окружность этой овальной долины есть скорее выгоревший кратер одного огромного вулкана, который, погасая, оставил этих двух незначительных представителей своего могущества. Я полагаю, что доктор Гершель впоследствии также приступил к этой правдоподобной теории, которая действительно подтверждается всеобщей геологией планеты: едва есть 100 миль на ее поверхности, не исключая величайших морей и озер, на которых нельзя было бы легко найти кругообразных или овальных хребтов гор, и многие, очень многие из них, заключающие в себе многочисленные холмы в полном вулканическом движении, которые лежат теперь гораздо глубже, чем окружающие их насыпи, не оставляют никакого сомнения, что каждая из сих огром-

ных формаций образует остаток большой горы, уже выгоревшей и только оставившей одно пространное основание своей прежней величины. Непосредственным доказательством тому послужит нам чрезвычайной величины вулкан, находящийся в полной силе и о котором я позже упомяну. Я полагаю, что название Мертвого моря дано вышепомянутой кольцеобразной дуге от мрачного вида долины, его заключающей, и которая при отдаленнейшем рассматривании, чем наше, конечно, походит общим видом своим на воду этой планеты. Около лежащая страна в высшей степени плодородна. Между этим кругом и № 2-м (Эндимионом) насчитали мы не менее двенадцати прекрасных лесов, разделенных между собой открытыми долинами, похожими на зеленый океан, и которые, вероятно, суть обширные степи (prairies), подобные северо-американским. Из числа их, в трех мы открыли многочисленные стада четвероногих животных, похожих на наших знакомцев-бизонов, виденных нами в “Долине единорога”, но гораздо более; и едва ли попался нам хотя один кустарник в нашей панораме, в котором бы мы тотчас не усмотрели птиц с белыми и красными перьями.

Наконец стали мы наблюдать Эндимион. Мы нашли, что внутреннее пространство всех трех овалов было вулканическое и неплодородное, — верх же наружной части, их окружающей, богато покрыт всеми возможными произведениями изобильной почвы; доктор Гершель составил классификацию не менее 38 родам деревьев и почти вдвое большему числу растений, найденных только на этом пространстве и совершенно различных от тех, которые находятся в широтах, лежащих ближе к экватору. Между животными отличил доктор Гершель девять пород млекопитающих и пять яйценосящих. Между первыми был не большой род оленей, лось, рогатый медведь и двуногий бобр. Последний, кроме недостатка хвоста и постоянной привычки ходить только на двух ногах, во всем подобен нашему бобру. Он носит своих детей в объятиях, как человек, и идучи, как будто скользит; хижины его построены лучше и выше, чем у многих поколений диких людей, и из замеченного почти во всех дыма можно заключить, что обитателям не безызвестно употребление огня. Невзирая на то, только голова и хвост (как выше сказано) не таковы, как у нашего бобра, и нигде не видно было этого животного, кроме как на берегах озер и рек, в которые оно по временам погружалось на несколько секунд.

На тридцать градусов южнее, в № 11 или Клеомеде, стоит очень большая кольцеобразная гора с тремя отдельными кратерами, которые уже так давно погасли, что вся окружающая их долина, имеющая 11 миль в окружности, покрыта густым лесом почти до самой вершины холмов. Кроме верхушки кратеров, нет ни одной десятины голой

земли. Весь этот кратер можно было обозреть; не показывалось ни одного создания, кроме большой белой птицы, похожей на аиста.

Лунный пейзаж. Рисунок из газ. «The Sun» (1835).

На южном конце долины есть естественный покрытый ход или пещера в 200 футов вышины и в 100 футов ширины, через которую течет река, низвергающаяся в пропасть восьмидесяти футов глубины, составленную из серых утесов и которая образует на пространстве многих миль поток, протекающий через прекрасную, ниве подобную страну. В двадцати милях от сего водопада находится величайшее озеро или, лучше сказать, пространство воды, окруженное со всех сторон землей, которое только существует на всей освещенной поверхности в $7\frac{1}{2}$ миллионов квадратных миль, заключающейся в этой части Луны. Ширина этого озера от востока к западу состоит из 198 миль, а от севера к югу из 266 миль; вид его к северу подобен отчасти Бенгальскому заливу, оно усеяно небольшими островами, большей частью вулканического образования. Из них два, на восточной стороне, находятся теперь в состоянии сильного извержения; но от помрачавшего зор наш дыма и пепельного дождя стекла наши, менее всех увеличивавшие, были все-таки слишком велики для их рассмотрения. По наблюдениям лейтенанта Друммонда они, будучи рассматриваемы в зеркаль-

ный телескоп наш, увеличивающий в 2000 раз, представляли великолепное зрелище: в одной губе на западной стороне озера находится полукруглый остров в 55 миль длины, покрытый великолепными произведениями природы как из растительного, так и из животного царств. Холмы усеяны большими кварцевыми кристаллами столь яркого желтого и оранжевого цвета, что мы приняли их сначала за планетные точки, и весь ряд холмов был накрыт как бы бархатной пеленой. Даже в небольших очаровательных долинах этого острова видели мы часто великолепные природные шпиль, возвышавшиеся из середины темных зеленых лесов наподобие колоколен в долинах Вестморленда. Здесь увидели мы в первый раз лунное пальмовое дерево, которое отличается от растущего в наших тропических странах только той особенностью, что имеет большие темно-красные цветы вместо лоз (*Spadix*), выступающих из обыкновенной чашечки. Однако мы ни на одном дереве не открыли плодов: обстоятельство, которого причину мы думали найти в чрезвычайных (теоретических) крайностях лунного климата. Несмотря на то, мы заметили на одном странного рода дереве во множестве плоды, подобные дыне, во всех степенях зрелости. Общий цвет этих лесов был темно-зеленый, но не без случайной примеси оттенков, как и в наших лесах бывает, смотря по времени года. Болезненное дуновение осени часто поглощало здесь распускавшиеся весенние ростки, и приятное покрывало лета окружало в некоторых местах лишенные листьев деревья, подобные жертвам зимы. Казалось, что здесь все времена года живут в вечном согласии. Из животных видели мы только миленькое полосатое четвероногое около 3 футов вышиной, зебру в малом виде, которое паслось в небольших стадах на зеленой мураве холмов; далее, два или три рода длиннохвостых птиц, которых мы приняли за золотых и голубых фазанов. На берегу увидели мы бесчисленное множество одночерепных раковин, и между ними несколько больших плоских, которых мои три товарища единогласно признали за аммонитов; и признаюсь, я принужден был отказаться от скептической своей уверенности в голыше. Скалы вдоль берега совершенно были подрыты волнами; они очень были выдолблены, и со всех сторон высывались желтые кристалловидные сталактиты, превышающие величиной мужское бедро. В самом деле, каждый корень этого острова казался охрусталованным; на всяком рассматриваемом нами берегу, на каждом месте находили мы кучи отпавших блестящих камней. Целое походило более на создание восточного воображения, чем на отдаленную природу, могуществом науки приближенную на видимое расстояние. Удивительное несходство этого острова со всеми другими, найденными нами на упомянутых водах, так как и расстояние его от твердой земли, заставили

нас предполагать, что он не составлял части ее, тем более, что его дугообразный залив вмещал начало цепи меньших островов, близ него находившихся. Этот остров был чистый кварцевый утес, возвышавшийся из синей глубины в виде башни, без берега или передней земли; притом он блистал на солнце, как сапфир, подобно и другим меньшим островам, которых он казался властителем. Теория наша скоро была подтверждена; весь берег материка был осыпан высокими драгоценными камнями, как бы башнями и, направив наше стекло таким образом, что оно заключило в себе крайнюю часть освещенной окружности планеты, мы могли видеть, что они тесными рядами сверкали на пространстве нескольких сот миль. Мы и не могли верно исследовать конца сей волшебной страны, потому что колебание планеты скрыло от взоров наших эти вершины, и мы удалились от ее западной границы.

Это нам напомнило, что мы, не теряя времени, должны искать ближайший предположенный предмет нашего наблюдения, а именно Лонгрена или № 26, который находится почти в окружности колебания и о котором доктор Гершель делал по сей причине некоторые особенные заключения.

Употребив несколько времени на поднятие обсерватории помощью рычага и направление выпуклого стекла, мы нашли этот предмет и обозрели его. То было темное узкое озеро в 70 миль длиной, граничившее к востоку, северу и западу с такими же красными горами, какими окружена Долина единорога, от которой оно отстояло к юго-западу на 160 миль. Озеро это граничит, подобно долине, находящейся на юге, с простирающейся только на 10 миль равниной, окруженной истинно великолепным амфитеатром лунных холмов, расположенных в величайшем порядке. На полукружии в шесть миль эти холмы сверху до низу расколоты столь же перпендикулярно, как и наружные стены римского Колизея, и представляли вышины по крайней мере в 2000 футов с гладкой нераздельной поверхностью. Как действовала природа при чудесном сотворении этой огромной массы, я не знаю; но верно только то, что никаких отломков от нее не осталось на равнине, которая, образуя покатость без малейшей выдавшейся части, кроме волнистой полосы леса, тянется в разных диких формах как в ширину, так и в длину до самого края озера. Непомерная высота и протяжение этой перпендикулярной горы с ее блестящей, ярко-красной поверхностью, составляя противоположность с лесом, осенявшим ее вершину, и зеленью открытой равнины, отразила на нашем полотне ландшафт, которого в величии не мог превзойти ни один из всех, доселе нами виденных. В нашей 25-мильной перспективе заключалась эта достопримечательная гора, равнина, часть озера и последние воз-

вышенные вершины цепи окружающих холмов. Мы пламенно желали, чтоб всякому удалось видеть столь разнородное, величественное явление, и сердца наши бились от радости при мысли, что мы со временем будем в состоянии показать его нашим землякам во всех частях нашего отечества. Мы принуждены были наконец расстроить картину целого, чтоб увеличить по очереди каждую часть его для ученого наблюдения.

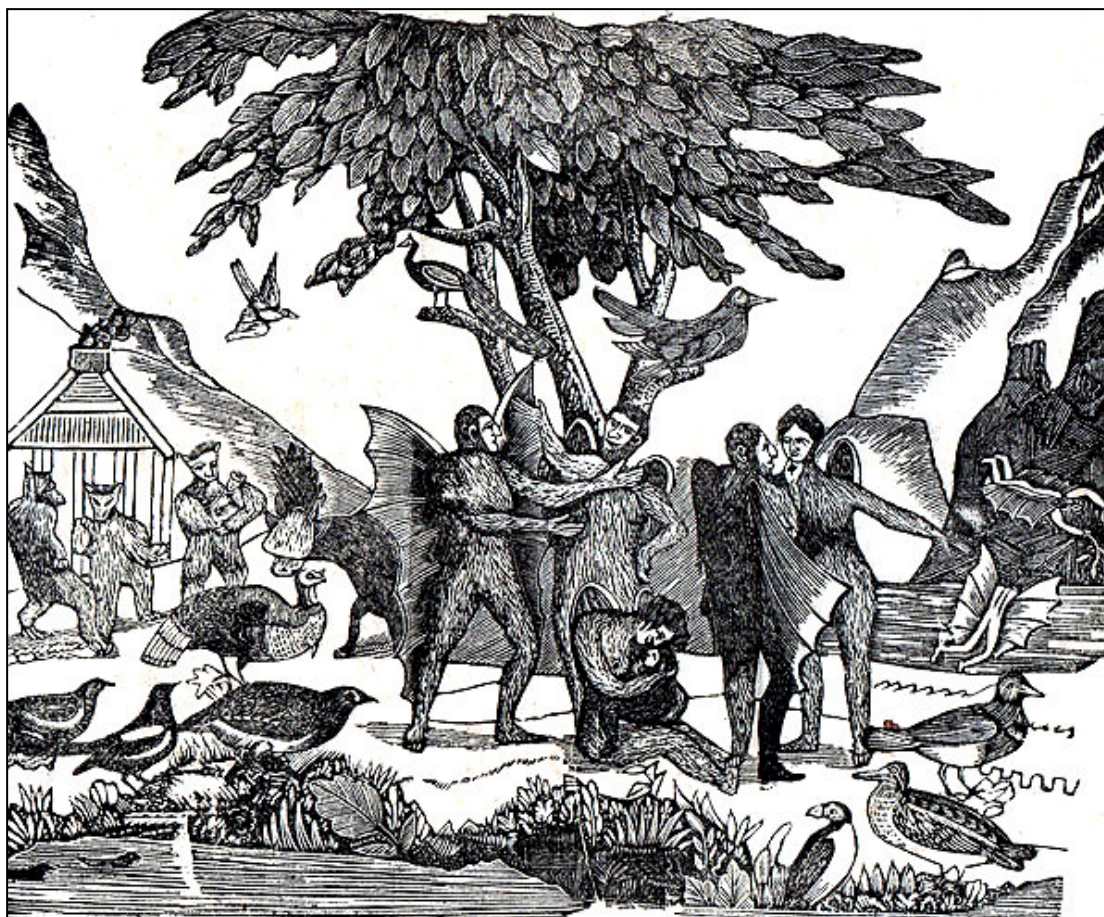
Наше полотно немедленно покрылось красным фасадом этого огромного амфитеатра, его высокими фигурами, низвергающимися водопадами и шероховатыми пещерами. Измерив на полотне его бесконечную длину, заметили мы различные длинные полосы желтого металла, выступавшие из расселин горизонтальных слоев в виде неправильно переплетенных или прямых ветвей. Не имея Минцмейстера, который бы нам доказал противное, мы заключили из того, что это девственное золото. Отыскивая равнину, над которой, как мы видели, растягивался лес во всевозможных направлениях, нас снова обрадовало открытие животных. Первое, замеченное нами, было четвероногое с удивительно длинным затылком, головой, как у овцы, и двумя винтообразными рогами, столь же белыми, как полированная слоновая кость, и стоявшими перпендикулярно, параллельно одно к другому; тело этих животных было как у оленей, передние ноги, в сравнении с целым, были чрезвычайно длинны, а хвост, который был чрезвычайно густ и снегоподобной белизны, завивался высоко над туловищем и отклонялся на три или четыре фута в сторону. Цвет животного был блестящий каштановый с белыми, остроконечными пятнами неправильной фигуры. Эти животные ходили попарно в промежутках леса и мы не имели случая удостовериться в быстроте и привычках этой породы. Не прошло нескольких минут, как уж показались три образца другого животного, всем нам так хорошо знакомого, что мы от души рассмеялись, увидев его в столь отдаленной стране. То были не более и не менее как три большие овцы, которые бы не сделали стыда мызам Лейстершира или мясным рядам в **Leadenhall Market**. При внимательнейшем рассматривании мы не могли найти ни малейшего знака, который бы отличал сих овец от наших: они не имели даже над глазами выше описанной мной принадлежности, которая, впрочем, свойственна четвероногим Луны. Потом они показались во множестве и, подвинув назад выпуклые стекла, увидели мы их, рассеянных стадами по большей части долины. Я едва считаю нужным сказать, как страстно мы желали найти пастухов к сим стадам и что даже человек в синем переднике и с засученными рукавами был бы приятным зрелищем для нас, если и не для самих овец, которые, властвуя над лугами, мирно паслись как без защитников, так и без губи-

телей в человеческом образе.

Наконец приблизились мы до точки, с которой открылся перед нами вид на озеро, где долина суживается до одной мили в ширину, и по обеим сторонам представляет зрелище, превышающее всякое описание как в живописном, так и романтическом отношении. Только воображение, окрыленное поэзией, могло бы изобразить что-нибудь подобное дикому величию этого ландшафта, где мрачные, подобные бегемотовым утесам скалы, как стены в воздухе, возвышаются над крутизною утесистых пропастей; леса, казалось, растягивались в воздухе. На восточной стороне стояла высокая, украшенная деревьями висячая скала, образовавшая кривую линию, подобную трем четвертям готической арки, богатого ярко-красного цвета; она производила чрезвычайно странное впечатление на людей, не привыкших к совокуплению такого величия с подобной красотой. В то время, как мы рассматривали эту перспективу, простиравшуюся, может быть, на полмили, мы были приведены вне себя от удивления, увидев четыре одно за другим следовавшие стада больших окрыленных созданий, которые, нимало не походя на какой-либо род птиц, тихо, однообразно двигаясь, спустились на равнину с утесов, находившихся на западной стороне. Они сначала были примечены доктором Гершелем, вскричавшим: “Ну, господа, вот вам мои теории против ваших доказательств, что вы столь часто называли довольно ровным закладом. Нам предстоит рассмотреть здесь нечто весьма достопримечательное: я был уверен, что, если мы когда-либо найдем существа в человеческом образе, то это должно быть в этих долготах и что они должны быть одарены Творцом какими-нибудь необыкновенными силами для переселения с места на место; возьмите теперь сначала мой номер Д.”. Это чечевицеобразное стекло, будучи вставлено, дало нам прекрасное расстояние в половину мили, и мы насчитали три этих толпы созданий, счетом 12, 9 и 15, которые подымались вверх к небольшому лесу, находившемуся близ начала восточных пропастей. Они действительно походили на людей, крылья их были не видны, шли они прямо и величественно.

По наблюдении их в этом расстоянии в течение нескольких минут, употребили мы выпуклое стекло Н. z., приближавшее их на расстояние, казавшееся в 80 ярдов, самое близкое, которым мы пользовались до конца марта месяца, покуда не усовершенствовали нашего газового осветителя. Между тем, около половины первой толпы уже прошло мимо нашего полотна; всех же остальных мы могли рассмотреть во всех подробностях. Они были вышиной в 4 фута; исключая лица, покрыты короткой, гладкой шерстью медного цвета, и имели крылья из тонкой эластической голой кожи, которые, будучи свернуты, висели назад от плеч до икр. Лицо было желтовато-телесного цвета, и не-

много благороднее, как у большого орангутанга, потому что было более открыто и умно и представляло гораздо большее расширение передней части головы. Однако же рот очень выдавался вперед, хотя этот недостаток и скрывался немного густой бородой на нижней челюсти и губами, гораздо более похожими на человеческие, чем у какой бы то ни было породы обезьян. Что касается до общей соразмерности те-

Обитатели Луны. Иллюстрация из Hanes y Lleuad, издания «Великой лунной мистификации» на валлийском языке (1836).

ла и членов, то они до такой степени превосходили орангутанга, что лейтенант Друммонд сказал: “Если б не их длинные крылья, то их хоть бы сей час на плац-парад, под пару кокней-милиции”*. Волосы на голове были густые, курчавые, но короткие, темнее, чем на теле, и лежали в двух странных полукружиях над висками передней части головы. Ноги их могли мы видеть только тогда, как они их поочередно подымали; судя по нашим замечаниям, они казались тонки и очень вы-

* Англичане под названием Соскнеу понимают жителей Лондона.

давались у пят.

Эти создания, проходя на полотне, казалось, разговаривали между собой; их жесты, в особенности же изменявшиеся движения рук и ног, казались страстными и важными. Мы из того заключили, что они благоразумные существа, если не стоящие на столь высокой ступени, как другие, найденные нами в следующем месяце на берегах Залива радуги, то все-таки способные изобретать и делать искусственные произведения. Ближайший к ним вид представил их еще яснее. То было на берегу небольшого озера или большой реки, которую мы видели в первый раз вниз по долине к большому озеру; на восточной стороне возвышался небольшой лес. Несколько тех созданий перелетели через воду и легли, подобно распростертым орлам, у опушки леса. Теперь мы могли заметить, что их крылья одарены были способностью расширяться на значительное расстояние и походили строением на крылья летучих мышей; они были из полупрозрачной эластической кожи, которая расширялась на криволинейные подразделения посредством полупоперечников, соединенных кожей с плечами. Но нас более всего удивило то, что перепонка висела книзу от плеча до самых ног, хотя постепенно и уменьшалась в ширину. Казалось, что лунные жители действовали крыльями по произволу, потому что, купаясь, быстро их расширяли, махали ими, как утки, чтоб отрясти воду, и потом столь же проворно их складывали. Дальнейшие наши наблюдения касательно привычек этих созданий (обоего пола), привели к столь замечательным результатам, что я предпочитаю предоставить самому доктору Гершелю первому предложить их публике в собственном сочинении, где, как имею причину думать, они будут описаны со всей точностью и полнотой, несмотря на недоверчивость, которую должно возбудить это описание. Вскоре эти три семейства распростерли почти в одно время свои крылья и скрылись в темных углах полотна прежде, чем мы успели прийти в себя от удивления. Мы назвали класс этих созданий ученым именем «*Vespertilio-homo* или Двурукий нетопырь»; они, без сомнения — невинные, счастливые твари, хотя некоторые из их забав трудно было бы согласить с нашими земными понятиями о благопристойности. Саму долину назвали мы Рубиновым Колизеем, чтобы намекнуть на ее удивительную южную границу, усеянную на пространстве шести миль пурпуровыми крутизнами вышиной в 2000 футов. Так как ночь или, скорее, утро далеко подвинулось, то мы и отложили до другого случая поездку нашу в Петавий (№ 20)».

Во всем предшедшем рассказе мы, свято сохраняя желание доктора Гранта, не сообщили читателям некоторых весьма странных описаний в его переписке, которые он просил нас выпустить, хотя мы не совсем понимаем причины, его к тому побудившей. Правда, что в вы-

«Лунные животные и другие объекты». Литография,
изданная газетой The Sun (1835).

пущенных местах содержатся факты, которые бы показались совершенно невероятными тем читателям, кои тщательно не исследовали степени совершенства инструмента, посредством которого сделаны эти достопримечательные открытия; но может быть, то же будет и с теми фактами, которые доктор Грант позволил нам сообщить; потому-то мы и считали нужным дать сначала пояснительное описание телескопа. Мы уверены, что при сохранении помянутых и других выпущенных мест, которые будут доведены до всеобщего сведения, настоящие сочинения доктора Гершеля будут содержать в одно время все, что ни было возвышеннейшего в ученом отношении и вместе привлекательнейшего для всех вообще читателей, когда либо выходившего из печати, и что справедливость его описаний будет подкреплена свидетельством гражданских и воинских чинов колонии, а равно и духовных лиц, которым в прошедшем марте месяце дозволено было посещение обсерватории с условием сохранять до времени тайну, и которые, таким образом, были очевидцами чудес, о которых просили их засвидетельствовать.

«В ночи 14-го числа месяц представился нам в меньшем колебании, или полным; но, так как довольно темное состояние атмосферы на несколько часов было менее благоприятно для внимательного рассматривания, чем для всеобщего обозрения его поверхности, то мы и занялись преимущественно последним. Вскоре после полуночи исчезло последнее туманное покрывало и, так как воздух был столь же ясен, как и в предшествовавшие вечера, то внимание астрономов обратилось на примечательную наружную сторону вершины, означенной на блунтовой карте Луны №-м 18-м (*Тихо*), и в этом пространстве прибавили они к человеческим познаниям сокровища, в которых бы им позавидовали небожители. Многие из следующих извлечений останутся навсегда памятными в летописях нашего времени.

Если смотреть в телескопы даже самой умеренной силы, то на поверхности Луны, при среднем ее колебании, видны три океана значительной ширины и большой, окружности, независимо от семи обширных водохранилищ, которые можно назвать морями. Число меньших вод, видимых помощью сильнейших инструментов и обыкновенно называемых озерами, столь велико, что до сих пор не пытались их сосчитать. Действительно, это бы походило на намерение сосчитать кольцеобразные горы, находимые на всякой части лунной поверхности, из чего бы она ни состояла: земли или воды. Величайший из сих океанов занимает значительную часть полушария между северной частью оси и восточной частью экватора, и простирается даже на многие градусы к югу от последнего. Восточная его граница так близко находится от окружности Луны, что во многих местах остается только узкая

полоса освещенных гор, которые составляют сильную противоположность с темным тенистым видом большой глубины. Однако ж здесь находятся полуострова, мысы, острова и тысячи других земных видов, для коих мы, по бедности нашей географической номенклатуры, не можем приискать имени; они, так сказать, выплывают из волнующейся необозримости сего великолепного океана и представляются или пламенеющими островами, или блестят отдельными точками. Здесь всего примечательнее мыс, не означенный еще, как я думаю, в картах Луны никаким именем, который выдается из внутренней части, наполненной разными чудесными произведениями природы. Этот мыс действительно чрезвычайно удивителен. Северный его конец имеет почти вид императорской короны и образует расширяющуюся дугу, вдвойне соединенную с ее основанием группой холмов.

Два открытых пространства, образованные этим разделением, суть озера, каждое в 80 миль ширины, за которыми следует другое озеро, разлученное с ними помянутыми группами холмов, почти совершенно четырехугольное и вдвое обширнее, чем они оба вместе. За сим озером следует отделенное новым гористым пространством озеро неправильной фигуры, а за ним еще два узкие, разделенные вдоль, которые на север к материку суживаются. Этот уродливый, скелетообразный мыс, усеянный хребтами гор, с шестью значительными озерами, заключенными в его каменистых ребрах, — выдается на 336 миль в океан. Это огромное произведение природы с удивительной верностью представлено на прекрасной блунтовой карте Луны и я думаю, вы бы доставили большее удовольствие читателям, приложив его изображение к моему описанию.

За этой достопримечательной формацией следует в том океане чрезвычайно блестящая кольцеобразная гора ужасной высоты и объема, стоящая на 330 градусов к востоко-юго-востоку, известная обыкновенно под названием Аристарха (№ 12) и показанная на карте как большая гора с таковой же пустотой посредине. Эта пустота есть теперь, как, вероятно, и в древние времена, вулканический кратер, соперничающий с нашими горами Этной и Везувием в их ужаснейшие эпохи, и как состояние атмосферы было чрезвычайно благоприятно для внимательного наблюдения, то мы легко могли заметить, что он освещал воду в окружности на 60 миль. Если б мы сколько-нибудь до сих пор сомневались в том, что лунные вулканы могут бросать столь далеко за силу притяжения Луны, извержения своих кратеров, так что они по необходимости должны по силе тяготения падать на нашу Землю, чем объясняется множество массивных аэролитов, упавших и найденных на земной поверхности, то один вид Аристарха навсегда бы прекратил нашу недоверчивость. Впрочем, эта гора, хотя и выдается

на 300 миль в океан, не совсем, однако, подобна острову, а соединена с сушей четырьмя цепями гор, простирающихся от нее, как от общего средоточия.

Следующий большой океан лежит у западной стороны меридиана, почти посередине разделен экватором, и почти на 900 миль простирается к северу и югу. Он означен в каталоге литерой С и назван морем Спокойствия (*Mare tranquillitatis*). Он скорее составляет два моря, чем один океан, ибо над самым экватором суживается и образует пролив не более 100 миль в ширину. В этом океане находятся три большие круглые острова, совершенно отделенные от его берегов; у северной его границы есть несколько довольно больших огнедышащих гор, из числа которых одна, самая значительная, находится в 120 милях от вышеупомянутого Нектарного моря (*Mare Nectaris*). Непосредственно гранича с сим вторым большим океаном и будучи отделен от него только полосой земли и несколькими островами, находится третий океан, означенный литерой D и известный под именем *Mare serenitatis*. Он почти четырехуголен, имеет около 380 миль в длину и столько же в ширину. Этот океан имеет чрезвычайно необыкновенную особенность: совершенно прямой хребет холмов, имеющий, наверное, только пять миль в поперечнике, простирающийся в прямой линии от южного берега к северному и разделяющий его ровно пополам. Этот странный хребет холмов совершенно *sui generis* и различен от всех цепей как подлунных, так и лунных. Он столь остер, что от сильного сосредоточивания солнечного света виден даже в небольшие телескопы; но вид его столь удивителен, что мы не могли воспротивиться искушению рассмотреть его в особенности и отступили от намерения нашего заняться только всеобщим обозрением. Наше выпуклое стекло G. X. приблизило его на оптическое расстояние в 800 ярдов и весь его поперечник в четыре или пять миль удобно поместился на нашем полотне. Ничто из всего виденного нами не приводило нас в большее удивление. Пусть верят или нет, но этот хребет есть не что иное, как один огромный кристалл! Верхняя его часть, во всей ее длине в 30 миль, образует острый угол из плотного кварцевого кристалла, блестящего, подобно куску гипсового шпата из Дербишира, который только что отделен от руды и едва имеет трещину или скважину от одного конца до другого. Какое удивительное влияние должен был иметь наш в тринадцать раз больший земной шар на этого спутника, когда этот еще был только зародышем в недрах времени, как бы страждущим предметом химического расплавления! Мы невольно заметили, что удивление, производимое произведениями этого отдаленного мира, есть только признак нашего невежества, и что оно должно было бы уступить место возвышенному ожиданию и почтительному верованию

в неограниченное могущество Творца!

Темное протяжение вод на юге от первого большого океана часто было принимаемо за четвертый океан; но мы нашли, что это только первостепенное озеро, в котором гораздо более мысов и островов, чем бы следовало заключить из карты Луны. Один из его мысов, получая свое начало поблизости Пилата (№ 19), простирается тонкой, узкой линией к Буллиальду (№ 22), который образует только кругообразную главу к нему в 264 милях от своей начальной точки. Это другой гористый круг, морской вулкан, почти выгоревший и покоящийся на своем пепелище. Пилат же, возвышающийся на смелом мысе у южного берега, напротив того, как бы гордится могуществом и величием своих огней. Так как воздух был свободен от дыма, мы вставили наши увеличительные стекла, чтоб рассмотреть большой блестящий круг холмов, простирающийся вдоль западной стороны этой пламенеющей горы. Холмы из белоснежного мрамора или полупрозрачного хрусталя (которого из двух, мы не могли различить) были опоясаны теми прелестными зелеными долинами, которые, хотя и кажутся однообразными в моем описании, но такой красоты и плодородия, что их можно сравнить лишь с первоначальным Эдемом наших прародителей. Доктор Гершель привел здесь опять одну из своих остроумных теорий: он сказал, что во время периодического отсутствия солнечного света, близость пламенеющей горы Буллиальда должна доставлять столь большую приятность обитателям сей долины, что она, вероятно, сделалась от того многолюдным убежищем жителей всех прилегающих стран, тем более что эта холмистая преграда доставляет совершенную безопасность от всякого могущего наступить вулканического извержения. Мы все свои силы употребили для исследования ее и были действительно за то богато вознаграждены.

Самый первый предмет в долине, показавшийся на нашем полотне, было прекрасное произведение искусства! То был храм, посвященный или набожности, или наукам; если он был сооружен в честь бога, то представлял благоговение самого возвышенного рода, был прост, великолепен и носил на себе печать особенного характера; этот храм был треугольный, построен из полированного сапфира или другого подобного ему блестящего синего камня, отражавшего мириады золотых огненных искр сверкавших от солнечных лучей. Хотя полотно наше было 50 футов в диаметре, но все-таки оно было слишком мало, чтобы вместить вдруг более одной шестой целого: первая показавшаяся часть была почти середина одного из его боков, состоявшая из трех четырехугольных столбов по 6 футов в диаметре у подножия, стройно возвышавшихся на 70 футов в высоту. Расстояние между столбами было в 12 футов. Мы тотчас сдвинули наши стекла так, что

«Лунные храмы». Литография, изданная газетой The Sun (1835).

они представили нам все строение в целом виде, действительно прекрасном. Крыша была сделана из какого-то желтого металла и разделена на три части, состоящие не из треугольных площадок, склоняющихся к средоточию, а отделенных и загнутых так, что они представляли массу сильно потрясаемого пламени, выходящего из центра пожара и дико волнующегося. Это изображение так ясно нам представлялось, что мы ни минуты не могли усомниться в его действительности. Через несколько немногих отверстий заметили мы в этом металлическом пламени большой шар из темного, почти тусклого металла медного цвета, вокруг которого пламя выдавалось как бы для того, чтоб его пожрать. На каждом конце было по шару, очевидно, из того же самого металла, как и большой средний; они лежали на некоторого рода карнизе, не принадлежащем ни к одному из всех нам известных орденов архитектуры, но, несмотря на то, необычайно краси-

вом и выразительном. Он походил на полуоткрытый завиток, смело поднимавшийся с крыши и далеко висевший над стенами в разных волютах. Он был из того же металла, как и то, что мы называем пламенем, и открыт у обоих концов на каждой стороне здания. Находившиеся на каждой стороне шесть колонн были простые, гладкие столбы без капителей, пьедесталов и всяких украшений, которых ни в одной части этого великолепного строения не было видно. Оно было открыто во всех направлениях и, казалось, не заключало в себе ни седалищ, ни алтарей, ни жертвоприношений; но было легкое и воздушное здание во 100 футов вышиной, начиная от белого, блестящего его помоста до раскаленной крыши, стоявшее на круглом, зеленом возвышении у восточной стороны долины. Впрочем, мы после открыли два другие подобные же здания, которые во всех отношениях были верные подражания описанного нами; но ни в одном не открыли какого-либо посетителя, исключая стада диких голубей, садившихся на блестящие стороны кровли. Постигла ли смерть строителей этих храмов или они были только исторические памятники? Что разумели изобретательные строители под шаром, окруженным пламенем? Не помышляли ль они при том о каком-нибудь минувшем бедствии их мира, или предсказывали они тем какое-нибудь будущее нашему? Я ни мало не сомневаюсь, что со временем будут отвечать не только на эти, но и на тысячу других вопросов, представляющихся при мысли о нашем спутнике. Наше единственное желание было: собрать как можно более новых фактов, а не выводить умозрительные теории, столь соблазнительные для воображения.

Примечание. Мы имеем только пять листков нью-йоркской газеты «The Sun», из которой заимствовали все предшедшее; последний из них оканчивается примечанием: «Продолжение впредь». И в сем переводе должны мы сделать столь же неопределенное объявление.

Там, где в тексте говорится о милях — везде разумеются английские.

---

*Перечень письма с мыса Доброй Надежды от сир Джон Гершеля к
господину Франциску Вели*

Новость и разнообразие открытых нами предметов побудили меня до тех пор отсрочить начало правильных наблюдений, пока не будет исследован один из главнейших; в их числе, напим., чудесное туманное пятно у Eta Аргуса, Магеллановы облака, большая купа подле *Nubicula minor*, замечательная Омега Центавра и т. д., и пока я через долговременнейшую привычку не познакомился короче с обманчивыми явлениями, столь легко происходящими от влияния здешней погоды, юго-восточных ветров и т. д.

5 марта начал я свои правильные наблюдения и с тех пор продолжал их беспрерывно. В каждом месяце делано было около девяти наблюдений, посредством которых я уже составил прекрасное собрание туманных пятен и двойных звезд, хотя это полушарие решительно беднее северного в отношении двойных звезд, которые больше десятой величины.

1 Апреля открыл я при прям. вос. 9 час. 17 мин. север. шир. $147^{\circ}35'$ чудесное планетное туманное пятно, которого круг совершенно ровно был ограничен, и заключал около трех или четырех секунд в диаметре. Свет его был однообразный, и оно представлялось совершенно подобным небольшой планете с одним спутником, отдаленным от его наружного края на полупоперечник. В продолжение неоднократных наблюдений г. Меклер, по своей благосклонности, точно определил его положение, из которого оказалось, что оно не имеет планетного движения.

3 Апреля открыл я другое прекрасное туманное пятно, образующее ровный круг, совершенно ясное, без малейшей темноты, заключающее около шести секунд в диаметре и чрезвычайно примечательное по своему отлично синему свету. После того, по моей просьбе, рассматривали его и на королевской обсерватории.

26 июня наблюдал я опять весьма примечательный предмет: чрезвычайно малую двойную звезду, окруженную мглой. Положение ее прям. вос. 13 час. 47 мин. 30 сек. $\pm$; север. шир. $129^{\circ}9' \pm$. Поперечник туманного пятна около двух минут; звезды обе похожи друг на друга и принадлежат к девятой и десятой величине; расстояние их = около $1\frac{1}{2}$ и до 2 секунд. Свет туманного пятна довольно единообразен, только в прикосновении со звездой немного слабее.

28 июня открыл я кольцообразное туманное пятно; прям. восхож. 17 часов 10 минут 36 секунд, север. шир. $128^{\circ}18'$. (Все помянутые по-

ложения относятся к январю, 1830). Оно совершенно кругло ограничено, поперечник его 15 секунд, свет очень слаб, как в Лебеде, и лежит среди бесчисленной купы звезд.

2 июля был я так счастлив, что открыл другое чрезвычайно слабое и прекрасное планетное туманное пятно. Прям. восх. 15 часов 5 минут 15 сек., север. шир. $135^{\circ}1'$ (в январе 1830), поперечник его 1 сек. 35 тер.; сила света равна звезде осьмой и до девятой величины. Мой помощник господин Т. Стон, которому я его показал, сказал, что он походит круглой формой своею и ясностью на Луну, хотя и менее ее.

Засим я упомяну преимущественно о следующих из числа меньших и одно возле другого стоящих двойных звезд, открытых мной помощью двадцатифутового телескопа или посредством семифутового экваториального телескопа (которые я теперь приказал поставить, к своему удовольствию, на подвижных подмостках особенной и притом очень простой конструкции, оказавшихся весьма удобными для употребления), употребляемого мной в лунные ночи для измерения двойных звезд и для проверки всех звезд Брисбанского каталога, с которого г. Ричардсон по благосклонности своей сообщил мне рукописную копию.

	Час. Утр.	Град. Мил.	Клас.	Велич.
<i>Кси</i> въ Аппаратъ.	0. 25	125. 55	11.	6. 7—8
<i>Зета</i> въ Фесъ.	1. 2	145. 9	11.	5. 9
<i>Хи</i> въ Эриданъ.	1. 49	142. 27	111.	1—5. 14*)
<i>Омита</i> въ Сѣти.	4. 16	153. 41	11.	5 . . . .
<i>Тау</i> въ Аргусъ.	10. 15	145. 11	11.	5. 10
<i>Вита</i> въ Водяной Змѣѣ.	11. 44	122. 57	1.	3. 5—6
<i>Гамма</i> въ Волкѣ.	15. 24	130. 34	1.	3. 3**)
— въ Южной коронѣ **)	18. 55	127. 18	1.	6. 6
— Безъ означенія.	20. 37	153. 2	1.	6. 6
— 22 въ южныхъ рыбахъ.	22. 43	123. 46	1.	5. 8

* Чрезвычайно маленькая и слабая звезда.

** Стоят очень близко друг от друга.

*** Я полагаю, что эта двойная звезда уже прежде была наблюдаема.

Сюда принадлежит еще и *Ламбда* Октанта и т. д.

После больших препятствий, тогда, как я уже почти отчаялся получить сколько-нибудь удовлетворительные результаты, удалось мне наконец довольно верно определить углы в отношении к *Гамме* Девы, потому что звезды, которых трудно было отличить на небе в мае, июне или июле, теперь показались ясно. Впрочем, наблюдения согласны с вычисленными углами при некотором исправлении. Если измерения Дунлопа верны, то *Альфа* в Кресте находится очень в скором кругообращении и описала с 1826 дугу в 7° .

Мои рефлекторы чрезвычайно скоро тускнеют. Ясность их уменьшается уже после шести или осьми ночных наблюдений и по прошествии трех месяцев делаются столь тусклы, что их нельзя более употреблять. По счастью, я взял предосторожность привести с собой полный аппарат для полирования и совершенно доволен его действием; в этом вы согласитесь со мной, когда я вам скажу, что при увеличении в 480, 800 и 1200 раз, на расстоянии двенадцати дюймов, представляются совершенно круглые, ровно ограниченные площади. Однажды я употребил даже увеличение в 2000 раз, которое, по моему мнению, не может быть иначе измеряемо, как через определение расстояния фокуса стекла — и наблюдение не менее принесло от того пользы. Посредством увеличения в 1200 раз и уменьшенного треугольного отверстия *Альфа* в Эридане представилась в бесподобную ночь 6-го числа н. м. столь прекрасной и в такой чистой соразмерности, как я еще никогда не видал ни одного астрономического предмета. В журнале моих наблюдений сказано по сему случаю: «Круг совершенно правильный, а шесть лучей — которые равносторонний треугольник всегда образует у больших звезд — представлялись в виде прелестных, прямых, ослепительной белизны лучистых связок даже тогда, как уже сама звезда исчезла с горизонта».

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Утверждают, что описание всех открытий, содержащееся в этой книжке есть не иное что, как мистификация, мастерски составленная одним из известнейших нынешних германских сочинителей или, как полагают другие, одним из французских астрономов. Мы не беремся разрешить это сомнение, ибо помним, что Гулливерово путешествие при своем появлении было принято за истину и что рассказы о первых опытах над пароходами считались за басню. Пока придут новые известия с мыса Доброй Надежды, наши читатели (может быть!) по-

благодарят нас за знакомство с книгой, наделавшей больше шума в Европе, нежели все когда-либо выходившие замечательные сочинения, и если кто в последствии и останется в обмане, тот может себе сказать в утешение, что он был обманут вместе с половиной Европы.

Приложение

Русский перевод 1836 г. (и, видимо, немецкий оригинал) включил «только пять листов нью-йоркской газеты “The Sun”». Прилагаем перевод наиболее интересных фрагментов из шестой и финальной части публикации.

Нам, однако ж, не пришлось далеко искать обитателей этой «долины Триад». Непосредственно у внешней границы леса, окружавшего на расстоянии полумили возвышенность, где стоял первый из этих храмов, мы увидели несколько отдельных стаяк существ, в которых мы сразу же признали наших крылатых друзей из Рубинового Колизея у озера Лонгрена. Настроив прибор для тщательного исследования, мы обнаружили, что почти все особи в этих группах были выше ростом, чем предыдущие, менее темного окраса и во всех отношениях представляли собой улучшенную разновидность лунной расы. Они были заняты, главным образом, поеданием большого желтого плода, похожего на тыкву, куски которого они разрывали пальцами и проглатывали с довольно грубоватой жадностью, отбрасывая кожуру. Маленькие красные плоды, похожие на огурцы, которые мы часто видели висящими на деревьях с широкой темной листвой, также лежали кучками в центре нескольких праздничных групп; но единственное, что они могли сделать с ним, это высосать сок, перекачивая плод между ладонями и откусывая кончик. Они казались в высшей степени счастливыми и даже учтивыми, ибо мы видели, как во многих случаях те, кто сидел ближе всех к грудам фруктов, отбирали самые крупные и яркие из них и бросали их дугообразно через круг какому-нибудь сидящему напротив другу или товарищу, извлекавшему пищу из тех, что были разбросаны вокруг него, каковых часто было немало. Поглощенные таким образом своими сельскими пиршествами или светскими беседами, они всегда сидели, упираясь коленями в дерн, и ноги их были равномерно сведены вместе в форме треугольника. По какой-то таинственной причине эта фигура была ими особенно любима, и мы заметили, что все группы или социальные круги располагались в этой форме, прежде чем рассеяться, что обычно делалось по приказанию индивидуума, который выходил в середину и поднимал руки над головой под острым углом. По этому сигналу каждый из сидящих вытягивал руки вперед так, чтобы образовать острый горизонтальный угол с концами пальцев. Но имелись и другие доказательства того, что эти существа были знакомы с порядком и подчинением. У нас не было возможности видеть их действительно занятыми каким-либо ремеслом либо искусством; насколько мы могли судить, они проводили свои счастливые часы, собирая различные плоды в лесу, поедая их, летая, купаясь и бродя по вершинам у пропастей. Но хотя они, очевидно, были

высшими животными в этой богатой долине, они не являлись единственными ее обитателями. Большинство других животных, которых мы обнаружили в других местах, в очень отдаленных местностях, были собраны здесь; мы также открыли по меньшей мере восемь или девять новых видов четвероногих. Самым привлекательным из них был высокий белый олень с могучими раскидистыми рогами, черными, как эбеновое дерево. Мы несколько раз видели, как это изящное создание рысцой подбегало к сидящим стайкам полулюдей, которых я описал, и щипало траву рядом с ними без малейшего проявления страха с его или внимания с их стороны. Всеобщее дружелюбие, царившее между всеми классами лунных существ, и явное отсутствие всяких хищных или свирепых созданий доставляли нам самое утонченное удовольствие и вдвойне очаровывало картинами этого прекрасного ночного спутника нашего большого, но менее благорасположенного мира». <...>

Тщательно изучив эту поучительную долину и составив научную классификацию ее животных, растительных и минеральных творений, астрономы прекратили свои труды на ночь; труды скорее умственные, чем физические, и тяжелые про причине крайнего возбуждения, которое они естественным образом вызывали. На следующий день произошло необычайное событие, из-за которого телескоп совершенно вышел из строя почти на неделю, и к тому времени Луна уже не могла быть наблюдаема в этом месяце. Большая линза, которая обычно опускалась в течение дня и располагалась горизонтально, была опущена, как обычно, но неосмотрительно оставлена в перпендикулярном положении. Соответственно, на следующее утро, вскоре после восхода солнца, доктор Гершель и его помощники, доктор Грант и господа Друммонд и Хоум, спавшие в хижине, построенной неподалеку от обсерватории, были разбужены громкими криками голландских фермеров и одомашненных готтентотов (шедших со своими волами на сельскохозяйственные работы): «Большой дом горит!» Д-р Гершель вскочил с постели после короткого сна и, конечно же, увидел свою обсерваторию, окутанную облаком дыма. К счастью, она была густо покрыта изнутри и снаружи слоем штукатурки, иначе неизбежно была бы уничтожена вместе со всем ее бесценным содержимым; но, как бы то ни было, отверстие в пятнадцать футов в окружности было полностью выжжено в «отражательной камере», соединенной с ближайшей к линзе стороне обсерватории, ее полотно, на котором предстало так много чудес, что навечно останутся в истории человечества, и внешней стене. Солнечные лучи так сильно сконцентрировались в гигантской линзе, что загорелись и деревья, стоявшие у них на пути, а штукатурка на стенах об-

серватории вокруг отверстия превратилась в синее стекло. Линзу почти тотчас повернули, и поскольку в нескольких сотнях ярдов протекал ручей, пожар был вскоре потушен; но уже нанесенный ущерб был не так уж и незначителен. Линзы микроскопа, к счастью, были сняты для очистки, но несколько металлических рефлекторов настолько оплавившись, что оказались непригодными для использования. Из Капштадта со всей возможной быстротой были доставлены каменщики и плотники, и приблизительно через неделю весь аппарат был снова подготовлен к работе.<...>

«Только после новолуния в марте погода оказалась благоприятной для продолжения ряда лунных наблюдений, однако же доктор Гершель был так увлечен своими блестящими открытиями в южных созвездиях и составлением таблиц и каталогов новых звезд, что не смог воспользоваться несколькими последовавшими ясными ночами.

Но в одну из таких ночей мистер Драммонд, я и мистер Холмс сделали следующие открытия близ Залива радуги, о котором я ранее кратко упоминал. Этот вычурно названный залив является частью северной оконечности первого и недавно описанного мною великого океана, и обозначен на карте литерой О. Местность, которую мы исследовали в этот раз, в каталоге имеет номера 6, 5, 8, 7, а главные горы, к которым прилагаются эти номера, называются Атлас, Геркулес, Гераклид *Verus* и Гераклид *Falsus*. Еще дальше к северу от них расположен островной круг, называемый Пифагором и означенный цифрой 1; а еще ближе к линии меридиана находится горный край под литерой R, называемый Землей засухи, и другой под литерой Q, Земля инея; и действительно, название последнего, как бы теоретически оно ни было дано, не было совершенно неприменимо, ибо вершины очень высоких гор этого края были явственно покрыты снегом, хотя окружающие их долины изобиловали пышным плодородием середины лета. Область, которую мы впервые подробно осмотрели, была частью Гераклида *Falsus* (№ 7), и здесь мы нашли несколько новых образцов животных — все они были рогатыми и белого или серого цвета, — а также остатки трех древних треугольных храмов, давно лежавших в руинах. Оттуда мы пересекли страну на юго-восток, пока не достигли Атласа (№ 6), и там, в одной из благородных долин у подножия этой горы, мы обнаружили весьма превосходный вид *Vespertilio-homo*. По своему росту они не превосходили тех, что были описаны выше, но обладали несравненно большей красотой и казались нам едва ли менее прекрасными, чем изображения ангелов, созданные самыми выдающимися школами живописцев. Их социальный строй, казалось, регулировался законами или це-

ремониями, точно такими же, как в долине Триад, но произведения искусства были более многочисленными и отличались мастерством, которое сочли бы непредставимым все, не видевшие этого своими глазами. Поэтому я предпочел бы, чтобы первый подробный рассказ о них появился в собственном труде д-ра Гершеля, посвященном естественной истории этой планеты».

[На этом завершается «Дополнение», за исключением сорока страниц иллюстративных и математических заметок, печатание которых значительно увеличило бы объем и стоимость данной работы, но не привело бы к существенному увеличению ее общего интереса. — *Ред. газ. «Sun».*]

Пер. М. Фоменко

«Новейшие открытия д-ра Джона Гершеля в лунном мире». Немецкая литография.

ЭДГАР АЛЛАН ПО

Приложение к рассказу
«Необыкновенное приключение некоего
Ганса Пфааля»

Строго говоря, наш беглый очерк представляет очень мало общего с знаменитым «Рассказом о Луне» мистера Локка, но, так как оба рассказа являются выдумкой (хотя один написан в шутовском, другой в сугубо серьезном тоне), оба трактуют об одном и том же предмете, мало того — в обоих правдоподобие достигается с помощью чисто научных подробностей, — то автор «Ганса Пфааля» считает необходимым заметить *в целях самозащиты*, что его «*jeu d'esprit*»* была напечатана в «Сатерн литерери мессенджер» за три недели до появления рассказа мистера Локка в «Нью-Йорк Сан». Тем не менее некоторые нью-йоркские газеты, усмотрев между обоими рассказами сходство, которого, быть может, на деле не существует, решили, что они принадлежат перу одного и того же автора.

Так как читателей, обманутых «Рассказом о Луне», гораздо больше, чем сознавшихся в своей легковерии, то мы считаем нелишним остановиться на этом рассказе, — то есть отметить те его особенности, которые должны бы были устранить возможность подобного легковерия, ибо выдают истинный характер этого произведения. В самом деле, несмотря на богатую фантазию и бесспорное остроумие автора, произведение его сильно хромот в смысле убедительности, ибо он недостаточно уделяет внимания фактам и аналогиям. Если публика могла хоть на минуту поверить ему, то это лишь доказывает ее глубокое невежество по части астрономии.

Расстояние Луны от Земли в круглых цифрах составляет 240000 миль. Чтобы узнать, насколько сократится это расстояние благодаря телескопу, нужно разделить его на цифру, выражающую степень увеличительной силы последнего. Телескоп, фигурирующий в рассказе мистера Локка, увеличивает в 42000 раз. Разделив на это число 240000 (расстояние до Луны), получаем пять и пять седьмых миль. На таком расстоянии невозможно рассмотреть каких-либо животных, а тем более всякие мелочи, о которых упоминается в рассказе. У мистера Локка сэр Джон Гершель видит на луне цветы (из семейства маковых и др.), даже различает форму и цвет глаз маленьких птичек. А незадолго перед тем сам автор говорит, что в его телескоп нельзя разглядеть предметы менее восемнадцати дюймов в диаметре. Но и это преувеличение: для таких предметов требуется гораздо более сильный объектив. Заметим мимоходом, что гигантский телескоп мистера Локка изготовлен в мастерской гг. Гартлей и Грант в Домбартоне; но гг. Гартлей и Грант прекратили свою деятельность за много лет до появления этой сказки.

На странице 13 отдельного издания, упоминая о «волосной вуа-

---

* Игра ума (*фр.*).

ли» на глазах буйвола, автор говорит: «Проницательный ум доктора Гершеля усмотрел в этой вуали созданную самим провидением защиту глаз животного от резких перемен света и мрака, которым периодически подвергаются все обитатели луны, живущие на стороне, обращенной к нам». Однако подобное замечание отнюдь не свидетельствует о «проницательности» доктора. У обитателей, о которых идет речь, никогда не бывает темноты, следовательно, не подвергаются они и упомянутым резким световым переменам. В отсутствие Солнца они получают свет от Земли, равный по яркости свету четырнадцати лун.

Топография Луны у мистера Локка, даже там, где он старается согласовать ее с картой Луны Блента, расходится не только с нею и со всеми остальными картами, но и с собой. Относительно стран света у него царит жестокая путаница; автор, по-видимому, не знает, что на лунной карте они расположены иначе, чем на земле: восток приходится налево, и т. д.

Мистер Локк, быть может сбитый с толку неясными названиями «*Mare Nubium*», «*Mare Tranquillitatis*», «*Mare Fecunditatis*»*, которыми прежние астрономы окрестили темные лунные пятна, очень обстоятельно описывает океаны и другие обширные водные бассейны на Луне; между тем отсутствие подобных бассейнов доказано. Граница между светом и тенью на убывающем или растущем серпе, пересекая темные пятна, образует ломаную зубчатую линию; будь эти пятна морями, она, очевидно, была бы ровною.

Описание крыльев человека-летучей мыши на стр. 21 — буквально копия с описания крыльев летающих островитян Питера Уилкинса. Уже одно это обстоятельство должно было бы возбудить сомнение.

На стр. 23 читаем: «Какое чудовищное влияние должен был оказывать наш земной шар, в тринадцать раз превосходящий размеры своего спутника, на природу последнего, когда, зарождаясь в недрах времени, оба были игралищем химических сил!» Это отлично сказано, конечно; но ни один астроном не сделал бы подобного замечания, особенно в научном журнале, так как Земля не в тринадцать, а в сорок девять раз больше Луны. То же можно сказать и о заключительных страницах, где ученый корреспондент распространяется насчет некоторых недавних открытий, сделанных в связи с Сатурном, и дает подробное ученическое описание этой планеты — и это для «Эдинбургского научного журнала»!

Есть одно обстоятельство, которое особенно выдает автора. Допустим, что изобретен телескоп, с помощью которого можно увидеть

---

* Облачное море, Море спокойствия, Море изобилия (лат.).

животных на Луне, — что прежде всего бросится в глаза наблюдателю, находящемуся на земле? Без сомнения, не форма, не рост, не другие особенности, а странное *положение* лунных жителей. Ему покажется, что они ходят вверх ногами, как мухи на потолке. Невымышленный наблюдатель едва ли удержался бы от восклицания при виде столь странного положения живых существ (хотя бы и предвидел его заранее), наблюдатель вымышленный не только не отметил этого обстоятельства, но говорит о форме всего тела, хотя мог видеть только форму головы!

Заметим в заключение, что величина и особенно сила человека-летучей мыши (например, способность летать в разреженной атмосфере, если, впрочем, на Луне есть какая-нибудь атмосфера) противоречат всякой вероятности. Вряд ли нужно прибавлять, что все соображения, приписываемые Брюстеру и Гершелю в начале статьи — «передача искусственного света с помощью предмета, находящегося в фокусе поля зрения», и проч. и проч., — относятся к разряду высказываний, именуемых в просторечии чепухой.

Существует предел для оптического изучения звезд — предел, о котором достаточно упомянуть, чтобы понять его значение. Если бы все зависело от силы оптических стекол, человеческая изобретательность несомненно справилась бы в конце концов с этой задачей, и у нас были бы чечевицы каких угодно размеров. К несчастью, по мере возрастания увеличительной силы стекол, вследствие рассеяния лучей уменьшается сила света, испускаемого объектом. Этой беде мы не в силах помочь, так как видим объект только благодаря исходящему от него свету — его собственному или отраженному. «Искусственный» свет, о котором толкует мистер Л., мог бы иметь значение лишь в том случае, если бы был направлен не на «объект, находящийся в поле зрения», а на действительный изучаемый объект — *то есть на Луну*. Нетрудно вычислить, что если свет, исходящий от небесного тела, достигнет такой степени рассеяния, при которой окажется не сильнее естественного света всей массы звезд в ясную, безлунную ночь, то это тело станет недоступным для изучения.

Телескоп лорда Росса, недавно построенный в Англии, имеет зеркало с отражающею поверхностью в 4071 квадратный дюйм; телескоп Гершеля — только в 1811 дюймов. Труба телескопа лорда Росса имеет 6 футов в диаметре, толщина ее на краях — 572, в центре — 5 дюймов. Фокусное расстояние — 50 футов. Вес — 3 тонны.

Недавно мне случилось прочесть любопытную и довольно остроумную книжку, на титуле которой значится:

«L'Homme dans la Lvne, ou le Voyage Chimérique fait au Monde de la Lvne, nouvellement decouvert par Dominique Gonzales, Aduanturier

Espagnol, autremèt dit le Courier volant. Mis en notre langve par J. B. D. A. Paris, chez Francois Piot, pres la Fontaine de Saint Benoist. Et chez J. Goignard, au premier pilier de la grand' salle du Palais, proche les Consultations, MDCXLVIII» pp. 176.*

Автор говорит, что перевел книжку с английского подлинника некоего мистера д'Ависсона (Дэвидсон?), хотя выражается крайне неопределенно.

«J'en ai eu, — говорит он, — l'original de Monsieur D'Avisson, medecin des mieux versez qui soient aujourd'huy dans la conoissance des Belles Lettres, et sur tout de la Philosophie Naturelle. Je lui ai cette obligation entre les autres, de m'auoir non seulement mis en main ce Livre en anglois, mais encore le Manuscrit du Sieur Thomas D'Anan, gentilhomme Eccossois, recommandable pour sa vertu, sur la version duquel j'advoue j'ay tire le plan de la mienne»**.

После разнообразных приключений во вкусе Жиль Блаза, рассказ о которых занимает первые тридцать страниц, автор попадает на остров Святой Елены, где возмущившийся экипаж оставляет его вдвоем с служителем-негром. Ради успешнейшего добывания пищи они разошлись и поселились в разных концах острова. Потом им вздумалось общаться друг с другом с помощью птиц, дрессированных на манер почтовых голубей. Мало-помалу птицы выучились переносить тяжести, вес которых постепенно увеличивался. Наконец автору пришло в голову воспользоваться соединенными силами целой стаи птиц и подняться самому. Для этого он построил машину, которая подробно описана и изображена в книжке. На рисунке мы видим сеньора Гонзалеса, в кружевных брыжах и огромном парике, верхом на каком-то подобии метлы, уносимого стаей диких лебедей (*ganzas*), к хвостам которых привязана машина.

Главное приключение сеньора обусловлено очень важным фактом, о котором читатель узнает только в конце книги. Дело в том, что пернатые, которых он приручил, оказываются уроженцами не ост-

---

* Человек на луне, или же Химерическое путешествие в Лунный мир, незадолго перед тем открытый Домиником Гонзалесом, испанским авантюристом, иначе именуемым Летучим Вестником. Переведено на наш язык Ж. Б. Д. А. Продается в Париже, у Франсуа Пио, возле фонтана Сен-Бенуа, и у Ж. Гуаньяра, возле первой колонны в большой дворцовой зале, близ Консультаций, MDCXLVIII, 176 стр.

** «Оригинал я получил от г-на Д'Ависсона, врача, одного из наиболее сведущих в области изящной словесности, особливо же в натурфилософии. Среди прочего я обязан ему тем, что он не только дал мне сию аглицкую книгу, но также и рукопись господина Томаса Д'Анана, шотландского дворянина, за свою доблесть достойного хвалы, из коей я, должен признаться, заимствовал и план собственного моего повествования».

рова Святой Елены, а Луны. С незапамятных времен они ежегодно прилетают на Землю; но в надлежащее время, конечно, возвращаются обратно. Таким образом, автор, рассчитывавший на непродолжительное путешествие, поднимается прямо в небо и в самое короткое время достигает луны. Тут он находит среди прочих курьезов — население, которое вполне счастливо. Обитатели Луны не знают законов; умирают без страданий; ростом они от десяти до тридцати футов; живут пять тысяч лет. У них есть император, по имени Ирдонозур; они могут подпрыгивать на высоту шестьдесят футов и, выйдя, таким образом, из сферы притяжения, летать с помощью особых крыльев.

Не могу не привести здесь образчик философствований автора:

«Теперь я расскажу вам, — говорит сеньор Гонзалес, — о природе тех мест, где я находился. Облака скопились под моими ногами, то есть между мною и Землей. Что касается звезд, то они все время казались одинаковыми, так как здесь вовсе не было ночи; они не блестели, а слабо мерцали, точно на рассвете. Немногие из них были видимы и казались вдесятеро больше (приблизительно), чем когда смотришь на них с Земли. Луна, которой недоставало двух дней до полнолуния, казалась громадной величины.

Не следует забывать, что я видел звезды только с той стороны Земли, которая обращена к Луне, и что чем ближе они были к ней, тем казались больше. Замечу также, что и в тихую погоду и в бурю — я всегда находился *между Землей и Луной*. Это подтверждалось двумя обстоятельствами: во-первых, лебеди поднимались все время по прямой линии; во-вторых, всякий раз, когда они останавливались отдохнуть, мы все же двигались вокруг земного шара. Я разделяю мнение Коперника, согласно которому Земля вращается с востока на запад не вокруг полюсов Равноденствия, называемых в просторечии полюсами мира, а вокруг полюсов Зодиака. Об этом вопросе я намерен поговорить более подробно впоследствии, когда освежу в памяти сведения из астрологии, которую изучал в молодые годы, будучи в Саламанке, но с тех пор успел позабыть».

Несмотря на грубые ошибки, книжка заслуживает внимания, как простодушный образчик наивных астрономических понятий того времени. Между прочим, автор полагает, что «притягательная сила» Земли действует лишь на незначительное расстояние от ее поверхности, и вот почему он «все же двигался вокруг земного шара» и т. д.

Есть и другие «путешествия на луну», но их уровень не выше этой книжки. Книга Бержерака не заслуживает внимания. В третьем томе «Американ куотерли ревью» помещен обстоятельный критический разбор одного из таких «путешествий», — разбор, свидетель-

ствующий столько же о нелепости книжки, сколько и о глубоком невежестве критика. Я не помню заглавия, но способ путешествия еще глупее, чем полет нашего приятеля сеньора Гонзалеса. Путешественник случайно находит в земле неведомый металл, притяжение которого к Луне сильнее, чем к Земле, делает из него ящик и улетает на Луну. «Бегство Томаса О'Рука» — не лишенный остроумия *jeu d'esprit*; книжка эта переведена на немецкий язык. Герой рассказа, Томас, — лесничий одного ирландского пэра, эксцентричные выходы которого послужили поводом для рассказа, — улетает на спине орла с Хангри Хилл, высокой горы, расположенной в конце Бантри Бей.

Все упомянутые брошюры преследуют сатирическую цель; тема — сравнение наших обычаев с обычаями жителей Луны. Ни в одной из них не сделано попытки придать с помощью научных подробностей правдоподобный характер самому путешествию. Авторы делают вид, что они люди вполне осведомленные в области астрономии. Своеобразие «Ганса Пфааля» заключается в попытке достигнуть этого правдоподобия, пользуясь научными принципами в той мере, в какой это допускает фантастический характер самой темы.

Пер. М. Энгельгардта

Engraving by G. B. Paganini, in Milano 1750. G. B. Paganini, 1750.

UNA VEDUTA LUNARE

*Tratta dei disegni pubblicati nel giornale delle scienze di Edimburgo / Edinburgh Journal of Sciences / dietro le nuove supposizioni
da On. del Dr. Blaschke nel suo esperimento al Capo di Buona Speranza*

DESCRIZIONE

N° 1. Solenopoli e la città della luna. N° 2. Uno dei castelli di osservazione. N° 3. I Soleniti (specie) per la loro alta luna. N° 4. Vegetabili (specie) per la loro alta luna. N° 5. Vegetabili (specie) per la loro alta luna. N° 6. Vegetabili (specie) per la loro alta luna. N° 7. Vegetali (specie) per la loro alta luna. N° 8. y. Vegetali (specie) per la loro alta luna.

Composizione di G. B. Paganini, in Milano 1750. G. B. Paganini, 1750.

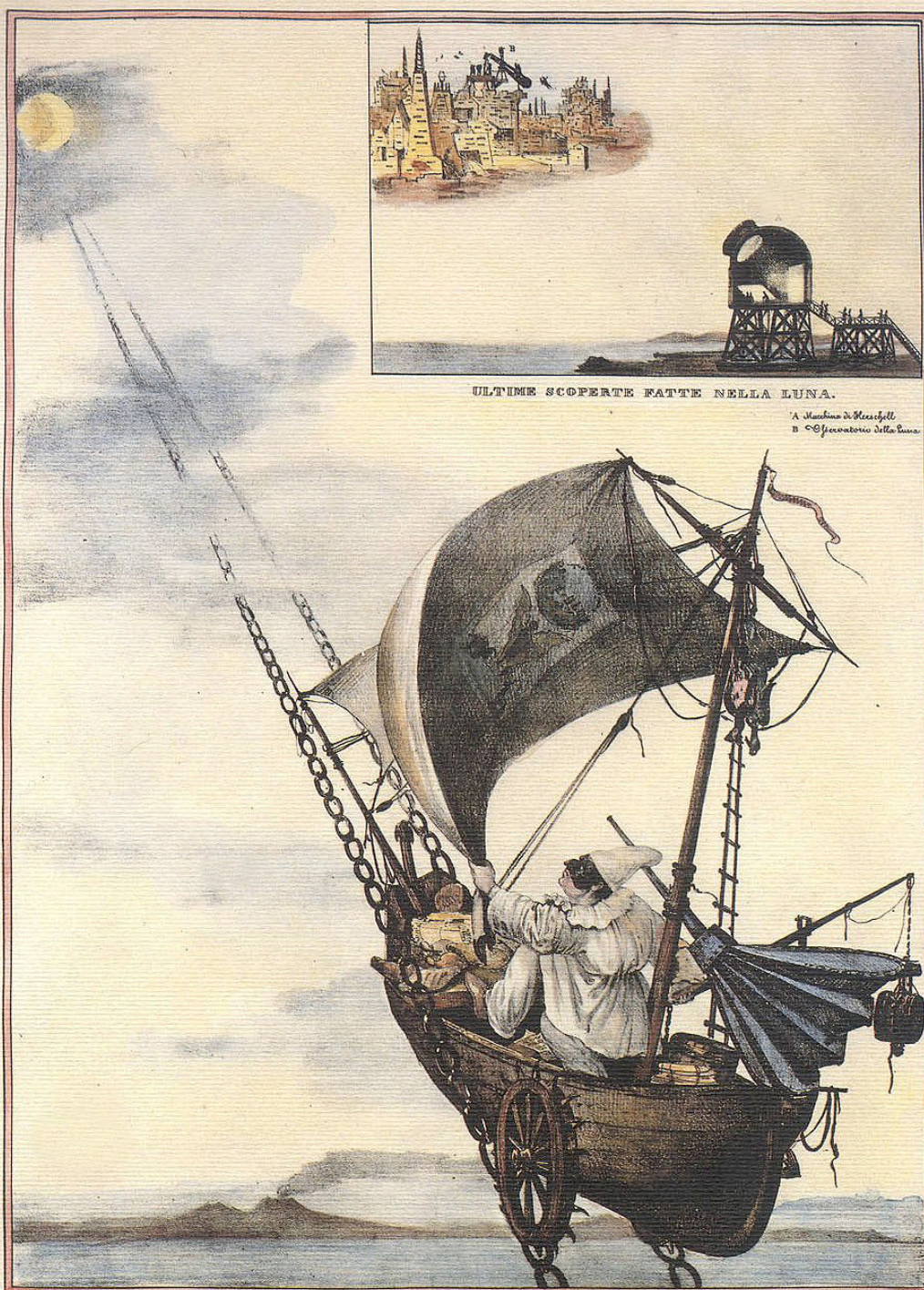
«Лунный пейзаж». Милан, ок. 1836.

Сальваторе Фергола. «Открытия, совершенные на Луне синьором Гершелем».
Литография. Неаполь, ок. 1835-1836.

ULTIME SCOPERTE FATTE NELLA LUNA.

A. Macchina di Heschell
B. Speculatorio della Luna

PARTENZA DI PULCINELLA PER LA LUNA.

Si no lo vedo,
A' io no lo vedo;
Do no lo vedo,
Non m'è lo vedo.

Si accoglie a' io m'è
M'è accoglie a' io m'è
Do no lo vedo,
La vedo.

Сальваторе Фергола. «Отбытие Пульчинеллы на Луну».
Литография. Неаполь, ок. 1835-1836.

Ed. Fergola, Largo S. Giovanni, Napoli, N. 20, 1836.

ARRIVO DI PULCINELLA NELLA LUNA

e suo primo viaggio in luna

Сальваторе Фергола. «Прибытие Пульчинеллы на Луну». Литография. Неаполь, ок. 1835-1836.

Mirabilis: oggi: così: oggi: così:
 Quel: le: troppa: le: troppa:
 Le: cinesi: cinesi: le: cinesi: cinesi:
 E: cinesi: cinesi: cinesi: cinesi:
 Ma: cinesi: cinesi: cinesi: cinesi:
 Poi: chi: chi: chi: chi: chi:
 E: cinesi: cinesi: cinesi: cinesi:
 Chi: cinesi: cinesi: cinesi: cinesi:

RITORNO DI PULCINELLA DALLA LUNA

Ma: mirabilis: oggi: così: pulcinella:
 E: si: si: si: si: si:
 Cinesi: cinesi: cinesi: cinesi:
 E: cinesi: cinesi: cinesi: cinesi:
 Si: cinesi: cinesi: cinesi: cinesi:
 Cinesi: cinesi: cinesi: cinesi:
 Cinesi: cinesi: cinesi: cinesi:
 Cinesi: cinesi: cinesi: cinesi:

Сальваторе Фергола. «Возвращение Пульчинеллы с Луны».
 Литография. Неаполь, ок. 1835-1836.

ВИССАРИОН БЕЛИНСКИЙ

[Рецензия]

О жителях Луны и о других достопримечательных открытиях, сделанных астрономом Сир-Джоном Гершелем, во время пребывания его на Мысе Доброй Надежды. Перевод с немецкого. Санкт-Петербург. В Гуттенберговой типографии. 1836. XIV. 93. (12).

Вот что говорит переводчик этой книжки:

Утверждают, что описание всех открытий, содержащихся в этой книжке, есть не иное что, как мистификация, мастерски составленная одним из известнейших нынешних германских сочинителей, или, как полагают другие, одним из французских астрономов. Мы не беремся разрешать это сомнение, ибо помним, что «Гулливерово путешествие» при своем появлении было принято за истину и что рассказы о первых опытах над пароходами считались за басню. Пока придут новые известия с Мыса Доброй Надежды, наши читатели (может быть!) поблагодарят нас за знакомство с книгою, наделавшею больше шума в Европе, нежели все когда-либо выходившие замечательные сочинения, и кто впоследствии и останется в обмане, тот может сказать себе в утешение, что он был обманут вместе с половиною Европы.

Переводчик этой книжки должен быть человек очень пожилой; он помнит еще, как «Гулливерово путешествие» было принято за истину; поэтому-то он и решился перевести эту книжонку. Он еще не уверен, что это нелепость. Впрочем, если и нелепость, для него беда не велика: половина Европы была обманута этою нелепостью; и не удивительно: ведь везде не без *добрых людей*, даже и в просвещенной Европе.

Можно не знать той или другой науки, можно не знать даже никакой -- и быть человеком; но нельзя ругаться наукою, нельзя кощунствовать над нею -- и быть человеком. Есть, однако, люди, которые довольно образованы, даже несколько учены, и которые, несмотря на то, находят какое-то удовольствие, даже наслаждение в кощунстве этого рода. Есть люди, которые подделывают грамоты, хроники и которым иногда удается обманывать людей, истинно ученых. Все обманщики гадки; но обманщики этого рода -- особенно; святотатство есть ужаснейший из грехов.

Брошюрка «О жителях Луны» написана одним из этих остроумных кощунов и приписана знаменитому Гершелю. Наш переводчик, помнящий, как было принято за истину «Гулливерово путешествие», обрадовался новой истине такого рода и поспешил передать ее русской публике в довольно плохом переводе.

Молва. 1836. Ч. XIII, № 11.

Леопольдо Гальяссо (Galazzo). «Величайшие открытия, совершенные на Луне синьором Гершелем». Литография. Неаполь, 1836.

Гаэтано Дура. «Дилижанс на Луну».
Литография. Неаполь, 1836.

Гаэтано Дура. «Обустройство на Луне».
Литография. Неаполь, 1836.

Гаэтано Дура. «Возвращение дилижанса с Луны». Литография. Неаполь, 1836.

Гаэтано Дура. «Лунное открытие».
Литография. Неаполь, 1836.

Caccia

Fortantina

Evoluzione

Gaspare Dura del.

Chiusa
T. VI.

Del. Gatti e Dura. Vico di Spicciolo N. 40

COSTUMI LUNARI

Гаэтано Дура. «Лунные обитатели».
Литография. Неаполь, 1836.

ОСИП СЕНКОВСКИЙ

[Рецензия]

О жителях Луны и других достопримечательных открытиях, сделанных астрономом сир Джоном Гершелем во время пребывания его на Мысе Доброй Надежды. Перевод с немецкого. СП.-бург, в Гуттенберговой типографии, 1836, в-12, стр. XIV и 93.

Когда сир Джон Гершель напишет книгу о двойных звездах или создаст «Каталог звездных облаков и грозд», один из тех высоких памятников ума и трудолюбивого изыскания, которым вся ученая Европа спешит поднести венец удивления, у нас все руки спрятаны за спиною и ни одна не потрудится передать русской публике прекрасное творение, приносящее честь веку; но пусть только появится какая-нибудь гиль, достойная забавлять воображение нянюшек и лабазников и которую бесстыдное шарлатанство, из корыстолюбия, нагло украсит именем великого ученого, тотчас найдется услужливый переводчик, готовый в поте чела распространять по всей святой Руси эту несообразность и в добавок еще свое незнание, вероятно, из усердия к просвещению и благу отечества. Весьма любопытно было бы знать, кому пришла охота добровольно погрузить свою руку в такой грубый обман и перевести на русский язык брошюрку, которой со стыдом мы выписали здесь заглавие. Переводчик не может оправдываться неведением, что это во-первых подлог, а во-вторых нелепость, потому что о подложности открытий, приписываемых знаменитому астроному, сказано в Б. для Ч.* еще в начале года, а нелепость их подробностей должна была обнаружиться ему сама, если он не совсем чужд науке, без познания которой не следовало приступать к переводу подобного сочинения. Но дело в том, что переводчик очень хорошо знал сказанное в Б. для Ч., а в рассуждении науки он столько же чужд астрономии, сколько всякой другой отрасли естественного знания, не исключая из этого даже и языка, с которого он переводил и языка, на который переводил. Да у него, впрочем, насчет астрономии есть свой собственный образ мыслей: он помнит, что «Гулливерово путешествие при своем появлении было принято за истину, и что рассказы о первых опытах над пароходами считались за басню», и потому он не берется решить сомнения (!), мистификация ли эта нелепая брошюрка или нет. Он ожидает еще «новых известий с мыса Доброй Надежды». Это доказывает и знание дела и благоразумную осторожность господина переводчика.

Но, с другой стороны, такова сила всякой нелепости, провозгла-

---

* «Библиотеке для чтения» (Прим. сост.).

шенной нагло, громко, хоть и довольно неискусно, что он неминуемо будет иметь в пользу своего мнения более голосов, готовых вместе с ним сомневаться в действительности подлога, нежели те, которые предостерегают легковверных, чтобы они не давались в обман. Конечно, мы не станем обнаруживать здесь ни невозможности способов, будто бы употребленных для совершения мнимых открытий на Луне, ни сумасбродства разных подробностей самого их результата: для знакомых с наукою это было бы бесполезно, а для незнакомых — непонятно и напрасно; мы постараемся привести в ясность только одно обстоятельство, из уважения к ученому, которого имя пятнают таким злоупотреблением, — именно, что сир Джон Гершелль ни сколько не причастен к содержанию этой брошюры; что он даже не знает об ее существовании; что в то самое время, как шарлатаны приписывают ему в Европе странные потехи со спутником нашей планеты, он, на мысе Доброй Надежды, успешно занимается предметом высочайшей важности для науки и обогащает наши познания массою нового света, исторгнутого из отдаленнейших пучин пространства и которого отблеск на его славу и на величие ума человеческого должен был бы внушить этим господам более почтения к его имени.

Два последние письма сир Джона, полученные одно господином Арагò, другое председателем Астрономического общества в Лондоне, не говорят ни слова о Луне или наблюдениях над нею. В этих письмах, как и во всех предыдущих, знаменитый астроном распространяется о трудах и успехах своих в любопытной области звезд двойных и облачных, а в последнем, к председателю Астрономического общества, сообщает еще известие о Галлеевой комете, которая видна была с мыса на обратном пути от Солнца, сияла там прекраснейшим светом и значительно увеличилась в объеме против прошлогоднего. Г. Белли получил в апреле месяце письмо, в котором Гершелль упоминает и о Луне, но только в том отношении, что он имел случай наблюдать ее затмение: об особенных на ней открытиях нет ни слова. Перечень всех этих писем напечатан в разных журналах. Сверх того, г. Арагò и г. Белли, которые состоят в непрерывной с ним переписке, протестовали от его имени еще при появлении брошюры, — первый в парижской Академии Наук, а второй в лондонских журналах. Этого достаточно, чтобы очистить Гершелля.

Обратимся теперь к роду и важности его занятий на отдаленнейшей оконечности Африки, куда он добровольно заточился, чтобы на южном полушарии пополнить наши списки сложных светил и сквозь более прозрачную атмосферу наблюдать звездные

облака и грозды, которые составляют его страсть и главный луч его славы.

Тела нашей солнечной системы не поражают наблюдателя никакой особенностью. Одно кольцо Сатурна существенно различается с тем, что мы всегда имеем перед глазами. Во всех других планетах мы открываем только тела, похожие на нашу Землю видом, подобные ей, верно, и внутренним строением, обращающиеся таким же образом, освещенные тем же главным светилом и такими же спутниками, одинаково притягивающие и подверженные притяжению, и даже не слишком различные своей поверхностью и явлениями своих атмосфер. Все ведет нас к заключению, что это тела однородные; что в них господствует сходство родовое, а несходства принадлежат видам; что те же обстоятельства образования, которые спрягли их в одну механическую систему с Солнцем как главным гнездом силы, напечатлели на всех их и один физический порядок вещей.

Но когда мы устремим взор в звездный мир, тут уже вся аналогия исчезает. Можно, правда, представить себе звезду похожей на наше Солнце, а двойную звезду — образующей двойственную солнечную систему, хотя мы у себя не имеем ничего точно в этом роде; но звезда, правильно окруженная густым облачным веществом, но неправильное облако, которого одна точка блистательнее всей остальной массы, но облако, в котором не существует даже и этого образа звезды, так различны с нашей системой, так противны устройству солнечного мира с его чистым пространством, с его рдеющими планетами, что ум столбенеет перед возможностью подобных миров. Раздробление некоторых из этих облаков, доказывающее, что бесчисленное множество звездочек находятся гораздо ближе к нам, чем обыкновенные светлые звезды небесного свода, есть уже изумительный феномен; но еще изумительнее плотность других, которые, судя по их величине, должны быть довольно близки к нашей системе и однако ж не обнаруживают перед лучшими телескопами никакого раздробления частей, кажутся однородными массами и упорно опровергают принятое мнение, будто все они состоят из звездных грозд, — из скопления мелких или весьма отдаленных звездочек. Между самыми примечательными в этом роде, можно указать на Андромеду и Ориона: когда вы видите в телескопе — первую, мерцающую как фонарь сквозь ровную мглу, — второго, похожего на кучу туч, накиданных так же причудливо, как наши облака в осеннее утро, вы принуждены убедиться, что это просто — массы облачного вещества, хотя напрасно будете силиться открыть причину и законы дивного их расположения.

Еще одна любопытная сторона представляется наблюдателю в этих небесных телах. Солнце, планеты и спутники нашей системы являют нам зрелище вечного постоянства форм и движений; вид облачных звезд внушает, напротив, идею непрерывных изменений. В одной из них вы видите облачное вещество в самом страшном хаосе; в другой светистые места, в которые, по-видимому, уже сосредоточилась материя и втекли облака, привлеченные с обширных пространств и оставившие за собою мрачную пустоту; в иных видите вы обручи из облачного вещества, окружающие темную площадь; наибольшую часть представляют различные сосредоточения материи в виде облачной звезды и планетообразных облаков; известен даже один странный пример распределения облачного вещества наподобие медового сота, в котором линии ячеек обозначены правильно линиями маленьких звездочек. Мы, конечно, не были еще свидетелями никакого изменения в наружном виде этих тел, но само беспредельное разнообразие их форм и степеней их развития равносильно движению деятельной переработки и, по прекрасному сравнению Лапласа, мы глядим на них, как на деревья в лесу: в продолжение нашего взгляда нет никакой перемены; но мы замечаем вокруг себя произрастения различной зрелости и всех возрастов; мы видим, что каждый возраст относится к особой мере времени, и неуклонно приводимся к заключению, что в растительном, как и в звездном мире, этот ряд наружных различий есть ряд постепенных видоизменений, для определения которого нужен в первом случае объем целой жизни человека, а во втором, быть может, целое существование солнечной системы.

Годичный параллакс звездных облаков мало еще привлекал к себе внимание астрономов, и измерение его должно быть сопряжено в практике с немалыми затруднениями. Несомненно только то, что параллакс тех, которые чаще всего были предметом наблюдений, незначителен и, вероятно, неуловим. Ежели параллакс большого облака Ориона не больше того, какой представляют нам звезды, тщательнее других исследованные, ширина этого облака была бы в пятьдесят или и во сто раз огромнее большого диаметра земной орбиты, то есть, от восьми до пятнадцати тысяч миллионов верст. Такое пространство легко может содержать в себе массу облачной материи, достаточную для образования солнца и целой системы планет с их спутниками. При этой мысли, наблюдение звездных облаков облекается для нас новой занимательностью и получает чрезвычайную важность в кругу человеческих знаний. Дело идет уже не о пустом обзоре ряда естественных видоизменений, но об исследовании тех постепенных шагов, которыми миры, подоб-

ные нашей земле и светилу, управляющему ее движениями и временами года, выходят из самого ужасного хаотического состояния, какое только можно себе представить, и начинают жить на просторе. И когда еще вспомним, что сочетание движения с постепенным сосредоточением массы около этих зародышей вообще достаточно для того, чтобы придать естественный вид шарам планет и спутников, обладающих тем же примечательным свойством, каким обладают наши планеты и спутники, — течь все в одну сторону и описывать почти правильные круги около своего солнца, мы должны согласиться, что изучение звездных облаков представляет не только возможность, но даже удобнеее средство утвердить наконец ясную теорию космогонии. Если мы удивляемся могучему гению математика, который первым научил нас доказывать простым рассуждением физическую возможность и вероятность перехода небесных тел от облачной или газообразной жидкости до плотной планеты, — как не воздать дани полного уважения великому астроному, автору «Каталога звездных облаков и грозд», чьи неутомимые труды, точные наблюдения и светлые выводы полагают первое основание такому успеху ума человеческого!

Это изложение достаточно объясняет существо и высокую цель трудов, которым сир Джон Гершель так пламенно предается на мысе Доброй Надежды. Он рано оставил солнечную систему и пустился, по следам знаменитого отца, в «звездную астрономию». Луна его не занимает. Что ж могло подать мысль первому творцу известия о жителях Луны, — мы говорим «первому», потому что благой пример не остался без подражателей и теперь уже есть несколько описаний мнимых «Гершеллевых открытий», — что могло подать мысль всклепать такую басню именно на сир Джона? Это легко отгадать. Гершель, действительно, писал однажды о жителях — только ее Луны, а — Солнца*. От жителей Солнца изобретательным умам недалеко было своротить к луножителям, и надобно заметить, что первоначальная выдумка этой дурной мистификации вышла из Нью-Йорка, которого газеты давно уже пробаваются подобными шутками. В Европе сперва господин Гейне пустил ее в ход в брошюрке, которая вышла под заглавием *Die Seleniten*, «Луножители»; по крайней мере, она приписана была ему без всяких оговорок в Брокгаузовых листках. Вскоре явился особую брошюрою и французский перевод нью-йоркской статьи с разными прибаутками и усовершенствованиями, которые явно уже имели целью обман и спекуляцию, потому что сюда вклеена вы-

---

* Philosophical Transactions, 1828.

писка из настоящего письма сир Джона к г. Френсису Белли, не относящаяся, правда, к делу, но способная придать вид истины остальному своей подлинностью, известною публике из журналов. С этого уже сочиненьица сделан немецкий перевод, который послужил основанием русскому, — русскому по буквам, а не по языку. Подлог не выручен даже остроумием, за которое в веселый час можно бы простить его наглость, и сочинитель брошюры, подделываясь под ученую форму, доказал во многих случаях только грубую неловкость. Разумеется, что мы не будем повторять этих вздоров; но как речь зашла о жителях разных тел нашей системы, лунных и солнечных, то мы предполагаем в читателях естественное любопытство узнать, что думает сир Джон Гершелль о жителях Солнца, и охотно приведем здесь его замысловатые предположения.

«В том нельзя и сомневаться, — говорит он, — что Солнце имеет обширную атмосферу. Очевидно также, что эта атмосфера составлена из газов, из различных летучих жидкостей, упругих, более или менее прозрачных и светистых, как это неоспоримо доказывается явлениями его пятен и темных точек, *faeculae*. Солнце все испещрено ими. Эти пятна происходят от неровностей в его поверхности. Они рассеяны от его экватора до полюсов, но, по причине шарообразности его, для нас более приметны те, которые находятся в середине.

Нет ни одной перемены, из числа доселе замеченных в видимой атмосфере Солнца, которых бы не можно было объяснить беспрерывными замешательствами, неизбежными в областях, где волнуются летучие и упругие жидкости на таком обширном пространстве; но я считаю необходимым изложить подробнее мои понятия о способе образования светистой материи Солнца в его атмосфере.

Материя, которая производит у нас день, не капельная жидкость и не летучая, потому что она не тотчас наполняет собою пропасти поверхности Солнца, открывающиеся нам по времени в образе черных как смоль пятен неправильной и часто уродливой формы. Она существует в виде светистых облаков, которые плавают в атмосфере Солнца; или, лучше сказать, она рождается из разложений, совершающихся в этой атмосфере. Сравнение, заимствованное из образования облаков в нашей собственной атмосфере, поучительно и, кажется, очень верно. Наши облака, по-видимому, образуются от разложения известных летучих жидкостей самой атмосферы, когда естественные причины, приведенные в движение в этой огромной химической лаборатории, начинают действовать на жидкости. Таким образом, можно допустить, что от подобных причин

подобные явления происходят и в бездонной атмосфере Солнца, только с тем важным различием, что непрерывное разложение ее жидкостей сопровождается сильным, неумолкающим пыланием целых облаков или только пышным фосфорическим блеском, разливающим свет на все планеты и которого мы имеем мгновенный и слабый образец в молниях, озаряющих наши тучи.

Такова непостижимая тонкость света, льющегося оттуда на планеты, что, в течение многих веков, это не причиняет чувствительного ущерба объему огромного небесного тела: впрочем, Солнце, вероятно, имеет средства вознаградить себе этот убыток».

Знаменитый астроном входит здесь в разбор вероятного назначения комет в чине вселенной, и полагает, что, между прочим, обязанностью их может быть возвращение Солнцу утраченной материи света. Но для правдоподобия его гипотезы и это предположение было не нужно. Солнце, каждое в своей системе, играет, по видимому, не только роль царя и предводителя в бесконечных пространствах своей семьи планет, но еще, в некотором отношении, роль ее самца, оплодотворяющего все эти тела; и оно должно расходовать свою массу на великую цель оплодотворения. Ежели оно, в миллион лет, утратит часть своего объема, и следственно своего блеска, тут еще нет ничего неестественного: надобно же ему когда-нибудь умереть и разрушиться. А смерть солнца и его системы — то мгновение, когда оно утратит последний свой свет и погаснет. Подобно тому как, при выходе своем из состояния звездного облака, солнце и планеты сосредоточивали в себе материю хаоса, конец их не может быть другой, кроме обратного растворения их в облако и хаос: и почему знать! — это непрерывное изливание материи света не есть ли медленно совершающееся растворение массы солнца, которое после неопределенного времени погрузит свои состарившиеся планеты опять в мглу, родившуюся из сгущения вылитого в пустоту света? Самый эфир, наполняющий, как кажется, пространство между солнцем и планетами, может быть, только — излитый и погасший свет и начало мглы.

«Впрочем, — продолжает сир Джон Гершель, — моя гипотеза не поставляет меня в обязанность отдавать отчет в том, каким образом Солнце пополняет свои убытки от непрерывных истечений света. Моя догадка о происхождении светистых облаков может также подлежать возражению, но от этого не потерпят несколько следствия, которые я вывожу отсюда. Довольно того, что эти облака существуют; а существование их неоспоримо, потому что они передвигаются и мы их видим.

Теперь от светистой атмосферы Солнца я перехожу к его твер-

дому и темному телу. Мы знаем по силе, с какою оно действует на планеты, что плотность его значительна; по пятнам, из которых многие наблюдаемы были неоднократно, что поверхность его неровна, — вероятно, составлена из глубоких долин и гор. При таком способе воззрения, исчезает все это великое несходство, которое мы привыкли представлять себе, между Солнцем и прочими телами его системы. Солнце является нам только огромной планетой, которой спутники, или луны, суть наши планеты, и которая окружена пылающей атмосферой, очевидно, главной и исключительно первобытной в нашей системе, между тем как все другие второрожденные. Сходство этой огромной планеты с другими шарами системы относительно плотности массы, атмосферы, поверхности, вращательного движения на своей оси и падения тяжких тел, естественно доводит нас до мысли, что она, как и прочие планеты, обитаема существами, которых органы приноровлены к особенным обстоятельствам светлого и могучего шара.

Поэты делали из Солнца рай для блаженных; суровые нравоучители утверждали, что его пламя служит орудием вечных страданий грешников: я, опираясь на начала астрономии и на последних моих наблюдениях, — я считаю себя вправе думать, что существа, осыпанные благодеяниями жизни, занимают его исполинские ободы.

Но, скажут, теплота, производимая его лучами на нашем шаре, который удален от него на сто сорок четыре миллиона верст, еще так сильна, что, по соразмерности, надобно предполагать поверхность его раскаленной до степени, превосходящей всякое понятие. Но Солнце или, лучше сказать, его светистая атмосфера производит теплоту только в таком случае, когда лучи ее падают на тело, способное поглощать их, и содержащее в себе запас скрытного теплотвора, как искра, вылетающая из столкновения стали и кремня, которая зажигает целый пороховой магазин, приводя в действие весь заключенный в нем теплотвор. Вершины высоких гор покрыты вечными снегами и льдом, хотя они ближе к Солнцу, чем низменные места. Опыт воздухоплавателей подтверждает также постепенное охлаждение высших слоев воздуха. Фокус самых больших телескопных стекол не обнаруживает в своем воздухе никакого приметного жара, хотя его зажигательная сила так велика, что плавит самые твердые металлы, положенные в его точке. Если на нашей планете теплота зависит от способности каждого тела более или менее принимать впечатления солнечных лучей, то, для обитаемости солнца, довольно, чтобы жидкости, разлитые в нижних областях его атмосферы, и тела, составляющие его поверхность, бы-

ли в известной только степени чувствительны к собственным его лучам. И это именно можно почитать за доказанное обильным их выпуском в пространство, где текут планеты; потому что, если б летучие жидкости солнечной атмосферы или вещество твердой коры легко входили в химическое соединение с его лучами, оно б освобождало гораздо менее света.

Таким образом, я заключаю, что солнце — та же планета, только погруженная в океан пламени; планета, на которой жизнь развивается свободно, успешно, как на нашем шаре, но, вероятно, в другом виде и с другими условиями. И те же самые уважения позволяют нам думать, что и эти бесчисленные звезды, мерцающие на небесной тверди, подобно ему населены живыми существами; что в этой неизмеримой вселенной жизнь проявляется везде и в несчетных образах, как материя, как время и пространство; что на все эти несметные шары, брошенные в беспредельность, одинаково и, вместе с тем, разнообразно рассыпала ее могучая Рука, которая не имеет надобности считать свои дары».

Вот настоящие понятия сир Джона Гершелля насчет обитаемости небесных тел, — предположения умные и утвержденные на хороших практических фактах, но только предположения. Ими-то воспользовалось шарлатанство, и создало целый ряд нелепых лжей под покровительством его имени, похищенного самым разбойничьим образом, потому что эти господа не удовлетворялись статьями и первой брошюрой: несмотря на протесты друзей великого астронома и торжественное обнаружение подлога, они издали теперь вторую брошюру, — продолжение первой и отчет в новых открытиях сир Джона, и обещают еще издать в скором времени полное сочинение в четырех томах *in-quarto*, с гравированным атласом видов Луны, ее людей, животных и предметов. Это уж решительно — раскатанное предприятие! Первая брошюра состояла только из писем доктора Грента, помощника сир Джона, будто бы собранных издателями; но сочинение в четырех томах *in-quarto* будет выдано уже прямо от имени Гершелля, с его подписью и посвящением английскому королю. Вышедшая между тем вторая брошюра заключает в себе несколько отрывков будто бы из этого творения, между прочим, и посвящение, о котором мы сейчас сказали, — и издатели уверяют, что единственная цель ее — удовлетворить нетерпению публики *et de lui donner l'avant-goût de l'ouvrage entier**. В ней несколько больше ума, чем в первой, даже боль-

---

* И дать ей *предварительный образец* всего сочинения (*фр.*). Сенковский цитирует французское издание *Publication complète des nouvelles découvertes de sir John Herschel dans le ciel austral et dans la lune* («Полная публикация новейших открытий сэра

ше, чем нужно было для успеха подлога, потому что в первой выдумка была довольно груба, а в этой сочинитель уже перехитрил дело. Кроме *andro-selenites*, *людод-лунцев*, маленьких существ в аршин с четвертью роста, с прекрасными страусовыми крыльями, лунных дворян, — и *vespertilio-homo*, *людей-нетопырей*, породы с кожаными крыльями, состоящей в рабстве у людод-лунцев, он открыл в этот раз еще одну породу существ разумных или, как сказал бы русский переводчик, «благоразумных»: это *biber-homo*, *бобро-человек*, который в свою очередь служит рабом человеку-нетопырю. Люди-нетопыри часто возмущаются против своих господ, людод-лунцев, отсюда ужасные битвы, после которых люди-нетопыри пожирают детей своих притеснителей: «из чего я заключаю, — говорит астроном, — что они суть людод-луноеды.» Он удостоверился также, что вообще лунатик, лунный человек, есть существо водоземное, и что кровь у него белая, как молоко. Наблюдатели были очевидцами в подзорную трубу свадьбы людод-лунцев, и сочинитель напряг все силы своего воображения, чтобы придумать для них обряды, ни в чем не похожие на наши и странные до сумасбродства:

«Наконец все гости улетели.

Оставшись одни, молодые полетели на вершину высокой горы, и мы не сомневались, что людод-лунка избрала себе сожителя.

Такая торжественность нас удивила, потому что, как нам известно из многократных и весьма точных наблюдений, супружеская верность отнюдь не составляет добродетели женщин спутника нашей планеты. Они, вообще, более ищут любовников, чем мужей. Мы заключили из этого их обычая, что природа действует в лунном законодательстве сильнее, нежели нравственность: это не делает чести их просвещению. Однако, подле этой предосудительной свободы, я примечал у них столько благопристойности, столько простоты и вместе похвальной таинственности, что мне совестно было иметь об них дурное мнение.

Наши молодые избрали себе убежище на самой вершине горы. Вершина была пуста. Здесь, перед лицом неба и нашим, он...

— А! несчастные, — вскричал мой сотрудник, г. Грент. — Они искали уединения, а не думают о том, что с другого света...

Это замечание возбудило в нас род угрызения совести, что мы

Джона Гершеля в южном небе и на луне»), вышедшее в Париже в 1836 г. и приписываемое В. Консидерану и Р. Брюке, однако далее опускает содержащиеся в нем фривольные описания «лунного брака», часть из которых — якобы по желанию Гершеля — приведена на латыни (*Прим. сост.*).

мешаемся в их домашние дела; но астронома, верного своему долгу, не должны устрашать подобные мысли. Со всем тем, из уважения к приличиям, мы решили, что я один останусь наблюдать эту тайну. Брак двух лунных существ представил мне много любопытных обстоятельств, которые, без сомнения, будут очень занимательны для физиологов».

Но полно ЭТИХ вздоров! Мы, кажется, сказали, что переводчик знаменитой брошюры не умеет писать по-русски: ежели только мы это сказали, мы это и докажем. Вот один из его периодов:

«Месяц стоял низко и начал заходить. Доктор Гершелль заметил, что увеличивавшееся переломление лучей будет препятствовать удовлетворительному дальнейшему продолжению занятий, и наши умственные силы были так утомлены от постоянного напряжения и возвышенного наслаждения, чувствованного нами, что мы взаимно согласились призвать наших товарищей, бывших у выпуклого стекла, и наградить их за непрерывное внимание несколькими полными бокалами лучшего ост-индского вина».

Впрочем, этот период не дает еще полного понятия об изящности слога и красоте языка перевода: здесь еще нет ни *сего*, ни *оного*, ни *посему*, ни *почему*, ни *упомянутых*, ни *сказанных*, которые, свидетельствуя с одной стороны о тонкости его вкуса, с другой придают его *sesquipedalibus verbis* невыразимую прелесть.

Что касается до обширности и разнообразия его сведений, то мы выпишем только два места. Вот пример того, как он понимает свой подлинник при помощи своих познаний в минералогии и географии: «Спустя несколько секунд появился отдельный обломок в пять или шесть столбов, *в виде шестиугольника*, и в связи с другими частями, похожий на базальтовые горы в Стаффе». А вот, по части ботаники, описание пальмового цвета: «Здесь увидели мы в первый раз лунное пальмовое дерево, которое отличается от растущего в наших тропических странах только той особенностью, что имеет большие темно-красные цветы вместо лоз (*spadix*), *выступающих из обыкновенной чашечки*».

КОММЕНТАРИИ

Сочинение, вошедшее в историю журналистики как «Великая лунная мистификация», было опубликовано 25-31 августа 1835 г. в шести номерах нью-йоркской газеты *The Sun* под заголовком «Великие астрономические открытия, недавно совершенные сэром Джоном Гершелем, доктором права, членом Королевского общества и т. д. на мысе Доброй Надежды (из дополнения к *Edinburgh Journal of Science*)». Медийный розыгрыш, предпринятый 185 лет назад, до сих пор остался непревзойденным по масштабности и влиятельности и оставил далеко позади другие знаменитые мистификации, основанные на научно-фантастических предпосылках — к примеру, радиопостановку О. Уэллса «Война миров» (1838) или открытие Атлантиды «внуком Генриха Шлимана» (1912)¹. «То определенно был величайший успех в области сенсации — лишь популярной сенсации — когда-либо достигнутый подобным вымыслом в Америке или Европе», — писал Э. По², сам ставший невольной жертвой розыгрыша. «Сенсация, вызванная этим гигантским надувательством не только в Соединенных Штатах, но и во всех уголках цивилизованного мира, и виртуозное мастерство автора будут привлекать внимание, пока остается жив наш язык» — так отозвался о «Великих астрономических открытиях» антрепренер и заслуженный мастер мистификаций Ф. Т. Барнум³.

Барнум оказался провидцем: и сегодня «*The Great Moon Hoax*» продолжают изучать в академическом мире (можно было бы привести целую библиографию посвященных этому вопросу статей) и цитировать в популярных публикациях, хотя чаще как исторический курьез. Одаренному автору очерков, Ричарду Адамсу Локку (*Locke*), не так повезло: имя это, правда, можно встретить в тех или иных энциклопедиях НФ, но мало кто назовет его в числе ранних и, заметим, наиболее успешных для своего времени писателей-фантастов.

Локк родился 22 сентября 1800 г. в состоятельной дворянской семье, жившей в деревне Ист-Брент в британском графстве Сомерсет. Он приходился племянником в пятом поколении знаменитому философу Д. Локку (1632-1704) и получил домашнее образование, показав себя способным учеником. Уже в США Локк утверждал, что являлся выпускником Кембриджа, однако в полном списке студентов университета (включающем даже поступивших и не начавших учебу) его имя не значится. В действительности Локк, не желавший по примеру деда и отца становиться сельским сквайром и землемером, уехал в Лондон, где стал сотрудником газеты *Republican* и занял, таким образом, радикально левую для Англии политическую позицию. В последующие годы Локк сотрудничал в ливерпульском издании *The Bee*, *Imperial Magazine* и недолговечном журнале *Bristol Cornucopia*, затем стал редактором газеты *Bridgwater and Somersetshire Herald* в родном Сомерсете, откуда — под давлением мелкопоместного дворянства и церковных кругов — был в конце

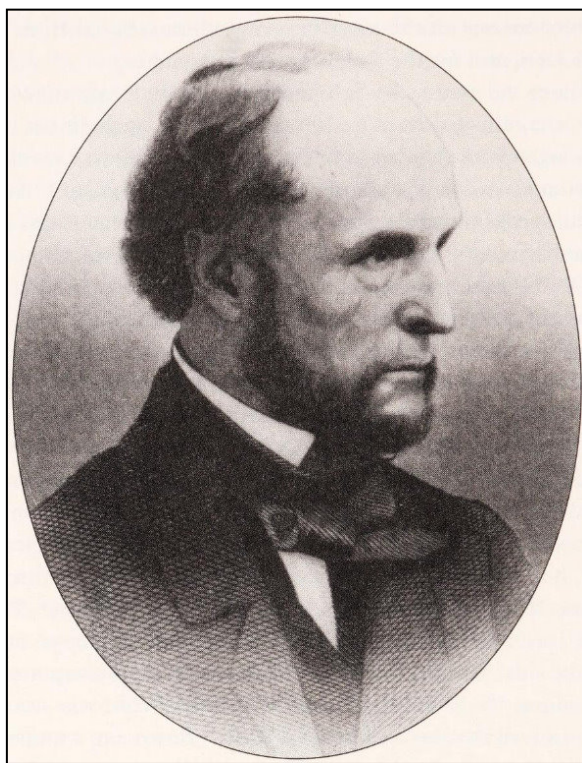
¹ См. Шлиман П. Как я нашел Атлантиду. Б. м.: Salamandra P.V.V., 2013.

² Poe E. A. [The Literati of New York City]: Richard Adams Locke // *Godey's Lady's Book*. 1846, October. С. 134.

³ Goodman M. The Sub and the Moon: The Remarkable True Account of Hoaxers, Showmen, Dueling Journalists and Lunar Man-Bats in Nineteenth-Century New York. N.Y., 2008. С. 12.

концов уволен в связи с политическими взглядами. В своих статьях и анонимно публиковавшихся памфлетах Локк последовательно отстаивал республиканские убеждения, выступал против религиозного контроля над гражданской жизнью и выказывал себя сторонником науки как освобождающего и облагораживающего начала, позднее же, в США, защищал аболиционистов.

В 1826 году Локк женился на 15-летней Элизабет Боуринг и вернулся под родительский кров; в следующем году умер его отец, а в 1830 г. жена подарила ему дочь Аделаиду (еще пятеро детей родились в США). Все эти годы Локк работал как журналист-фрилансер и анонимный автор научных текстов. Однако будущее сулило ему мало перспектив, тем более что он был лишен наследства — и в ноябре 1831 г. Локк решился на эмиграцию в Америку, которую считал страной экономических возможностей и олицетворением своих республиканских чаяний.

*Единственный известный портрет Р. Локка, выполненный
нью-йоркским гравером А. Робинсом*

В январе 1832 г. Локк с женой и малолетней дочерью на руках прибыл в США и обосновался в Нью-Йорке. В 1833 г. он опубликовал отдельной брошюрой отчет об уголовном процессе священника-методиста Эфраима Авери, обвинявшегося в убийстве, в 1834 г. — памфлет *История польской революции с рассказом о последних зверствах русских завоевателей*. Образованный (Локк уже выдавал себя, по-видимому, за выпускника Кембриджа), хорошо владевший пером и изучивший стенографию англичанин быстро завоевал себе имя в журналистских кругах и около 1834 г. стал криминальным репор-

тером коммерческой газеты *Courier and Enquirer*. Именно к нему обратился основатель и редактор *The Sun* Бенджамин Дэй: его газета срочно нуждалась в журналисте для освещения громкого процесса основателя религиозного культа Ричарда Мэтьюса («Пророка Матфия»), проходившего в Уайт-Плейнс. Статьи Локка, печатавшиеся анонимно, были изданы затем в виде брошюры, тираж которой составил более 40,000 экз. и принес Дэю небольшое состояние; сам Локк получил 150 долларов, что все-таки заметно поправило его материальное положение. К лету 1835 г. он занял редакторский пост в *Sun* с жалованьем в 12 долларов в неделю.

Фрагмент «лунных» обоев из Нантакета
(Нантакетская историческая ассоциация)

Дальнейшее, как говорится — история. Благодаря августовской «лунной» мистификации Локка тираж *The Sun* взлетел до небес. Вскоре Дэй смог гордо сообщить, что он достиг 19,600 экз., добавив: «Мы не колеблясь заявляем, что стали крупнейшей по тиражу ежедневной газетой мира (лондонская *Times* печатает всего 17,000). В настоящее время мы с трудом удовлетворяем спрос»⁴. Дэй также пошел по уже проторенному пути, издав фантазию Локка отдельной брошюрой; 60,000 экземпляров разлетелись почти мгновенно. В дополнение к этому, газета заказала две литографии с изображениями «лунных животных» и «лунных храмов». Как свидетельствуют дневники и мемуары современников, повсюду только и слышны были толки о лунных обитателях. Вскоре другие нью-йоркские газеты, ссылаясь то на *Sun*, то на несуществующий «Эдинбургский научный журнал» и такого же вымыш-

⁴ The Sun. 1835. 28 August. 13 августа 1835 г., по сообщению газеты, было продано 26,000 экз.; исследователи связывают эту цифру с разрушительным пожаром в Нью-Йорке, уничтожившим типографию *New York Herald*, главного конкурента издания, и волнениями в Балтиморе. В своем подробном очерке о «лунной мистификации» создатели сайта *Museum of Hoaxes* утверждают, что ежедневный тираж *The Sun* и без того составлял 19-20,000 экз. (http://hoaxes.org/archive/permalink/the_great_moon_hoax), однако М. Гудман, автор упомянутой выше книги о розыгрыше Дэя, указывает, что ежедневный тираж *The Sun* и *Herald* летом 1835 г. составлял в среднем около 7,000 экз. В Нью-Йорке проживали в то время около 300 тыс. человек.

ленного доктора Гранта, принялись перепечатывать очерки Локка; примеру их последовала пресса по всей стране. Мистификация вновь обогатила Дэя; Локку, по словам издателя, было выплачено за нее 500 или 600 долларов.

На юге за успехами лунного розыгрыша ревниво следил Эдгар Аллан По. В июне 1835 г. он опубликовал в малоизвестном ричмондском журнале *Southern Literary Messenger* рассказ «Ганс Пфааль», ранний и не слишком удачный образчик юмористическо-научной фантастики — и теперь, видимо, очень сожалел, что не придал своему рассказу более убедительную форму откровенной мистификации. По несколько раз возвращался к этой теме; перепечатывая «Пфаалья» под новым заглавием в сборнике *Tales of the Grotesque and the Arabesque* (1840), он снабдил рассказ особым приложением, где раскрыл научные ошибки Локка. По также подчеркивал сходство «розыгрышей», однако не стал обвинять соперника в прямом плагиате. В эссе о Локке, вошедшем в цикл *The Literati of New York City*, он писал:

Стоило мне увидеть газету, как я разгадал шутку, ничуть не сомневаясь, что она была подсказана моим собственным *jeu d'esprit*. Некоторые нью-йоркские журналы (среди прочих, *The Transcript*) увидели эту историю в том же свете и перепечатали «Лунный рассказ» бок о бок с «Гансом Пфаалем», рассудив, что в авторе одного произведения распознается автор другого. Хотя подробности, за некоторыми исключениями, весьма непохожи, я тем не менее считаю, что общие черты обоих сочинений почти идентичны. Оба являются *мистификациями* (хотя одно написано в духе добродушной шутки, а другое в сугубо серьезном тоне); обе мистификации посвящены одной дисциплине, астрономии, и одному предмету этой дисциплины — Луне; в обоих говорится о получении исключительного материала из-за границы и делается попытка придать рассказу достоверность путем включения точных научных подробностей. Прибавьте к этому, что ранее, до появления этих двух мистификаций, ничего подобного не предпринималось и что одна непосредственно последовала за другой.

Изложив дело в такой форме, я обязан, однако, воздать дань справедливости мистеру Локку. Мистер Локк отрицает, что ознакомился с моим сочинением до публикации собственного; должен также добавить, что я ему верю.

Немедленно по окончании публикации «Лунного рассказа» <...> я подверг его рассмотрению с точки зрения правдоподобности и недвусмысленно показал, что это полнейший вымысел; к своему удивлению, я нашел, что лишь немногие согласились выслушать меня: так хотелось всем быть обманутыми и такими волшебными оказались чары стиля, послужившего орудием для этой чрезвычайно неуклюжей выдумки. <...>

Дочитав «Лунный рассказ» до конца, я понял, что в нем предвосхищены все основные линии моего «Ганса Пфаалья», и мне пришлось бросить последний на середине. Я намеревался, в первую очередь, доставить моего героя на Луну, чтобы дать ему возможность описать лунные пейзажи, но нашел, что он весьма немногое мог прибавить к подлинному и подробному рассказу сэра Джона Гершеля⁵.

---

⁵ Рое, там же, стр. 128-129, 134-135. В частной переписке По выразился энергичнее: «Я убежден, что эта идея была у меня украдена». Девять лет спустя По удалось «отомстить» Локку: 13 августа 1844 г. в *The Sun* была опубликована его собственная мистификация, касавшаяся перелета через Атлантический океан на воздушном шаре и получившая в позднейших публикациях заглавие *The Balloon-hoax*.

Современные исследователи, задаваясь вопросом о причинах успеха мистификации Локка, приводят целый ряд причин, от научной неосведомленности публики и престижа европейских ученых до затрудненной в то время связи с Европой и мысом Доброй Надежды, где действительно работал тогда великий астроном Д. Гершель (1792-1871). К слову, Гершель, узнав о приписываемом ему «открытии», воспринял новость с должной долей юмора, однако год спустя, в письме, адресованном редакции лондонского журнала *Atheneum* (21 августа 1836 г.) выступил с опровержением. «Я ничуть не опасаясь, — писал он, — что любой человек, наделенный знанием начал оптики (не говоря уже о здравом смысле) хоть на миг поверить в подобные экстравагантности, но считаю дурным прецедентом то, что абсурдность некоего вымысла, широко повторяемого в столь многих местах и в столь разных формах, оказывается благодаря этому защищена от опровержений».

*Табакерка из папье-маше, посвященная «лунной мистификации».
Германия, ок. 1835-36 (Музей истории науки, Оксфорд).*

Сама идея обитаемости Луны, впрочем, не казалась такой уж абсурдной ни Гершелю (предполагавшему существование жизни на Солнце), ни другим астрономам. О селенитах писали Г. Галилей, И. Кеплер, Б. Фонтенель, отец Гершеля и не менее выдающийся астроном У. Гершель, И. Шрётер, мюнхенский астроном Ф. фон Груйтуйзен, опубликовавший в 1824 г. результаты своих наблюдений лунного «города» и многие, многие другие.

Локк, по меньшей мере частично, считал «лунную мистификацию» сатирическим выпадом, и острее его сатиры было направлено в Томаса Дика (1774-1857), прозванного «Христианским философом»⁶, необычайно влиятельного в те годы шотландского священника и популяризатора науки, выступавшего за гармонический союз науки и религии. Идея множественности обитаемых миров служила для Дика примером всемогущества и милости Творца и всевластия божественных законов; по его подсчетам, Солнечная система была населена почти 22 триллионами жителей, из которых на Луне обитали около 4 миллиардов⁷. По свидетельству друга Локка, Уильяма Гиббса, непосредственным толчком к созданию мистификации послужила статья Дика, этого «плодовитого и благочестивого автора спекулятивных сочинений по астрономии» в эдинбургском *New Philosophical Journal* от 1826 года, попавшаяся Локку на глаза летом 1835 г.:

В ней говорилось о возможности общения с обитателями Луны посредством знаков — гигантских каменных диаграмм! — построенных на поверхности Земли. В пассаже, привлечшем его внимание, было сказано следующее: «Груйтуйзен, в беседе с великим континентальным астрономом Гауссом, дал описание правильных фигур, обнаруженных им на Луне, и заговорил о возможности общения с лунными жителями. <...> Гаусс ответил, что план создания геометрической фигуры на равнинах Сибири согласуется с его взглядами, так как, по его мнению, общение с жителями Луны может быть начато лишь при помощи математических воззрений и идей, которые они, несомненно, разделяют с нами»⁸.

Разоблачение мистификации не замедлило последовать. Если некоторые газеты ограничились скептическими статьями, редактор *Transcript* А. Грин опубликовал едкую пародию в трех частях, где утверждал, в частности, что на лунных жителях кишат «ярко-желтые блохи с лазурными глазами, чуть поменьше тех, что досаждают людям на нашей планете». Редактор же «Геральда» Джеймс Гордон Беннет, оправившись от пожара, со всей мощью обрушился на конкурентов и в номере от 31 августа заявил, что «весьма изобретательная астрономическая мистификация <...> была подготовлена и написана для газеты *Sun* м-ром Локком, бывшим полицейским репортером *Courier and Enquirer*. М-р Локк по рождению англичанин, выпускник Оксфорда или Кембриджа; он помышлял о церковном служении, но по причине юношеской любовной связи, оставившей одну горничную в несколько неудобном положении, отказался от религии ради астрономии». Локк ответил письмом в редакцию *Evening Star*, где среди прочего писал: «Я не совершал этих открытий и, на основе подробного изучения внутренних свидетельств труда, в котором они впервые появились, искренне убежден: если они и были совершены, сделано это было великим астрономом, каковому вся Европа, если и не скептическая Америка, без сомнения их припишет»⁹.

Вскоре репортер газеты *Journal of Commerce*, приятель Локка, во всеуслы-

⁶ По заглавию его книги «Христианский философ, или связь между наукой и религией» (1823).

⁷ Dick T. Celestial Scenery, or The Wonders of the Planetary System Displayed... N.Y., 1838. С. 305.

⁸ Griggs W. N. The Celebrated «Moon Story», its Origin and Incidents; with a Memoir of the Author... N. Y., 1852. С. 4-5.

⁹ Goodman, там же, с. 209-211.

шание объявил, что тот признался ему в своем авторстве во время случайной встречи в гостиничном баре (Гудман замечает по этому поводу, что Локк, известный пристрастием к спиртному, мог проболтаться в пьяном состоянии). Все это не помешало *Transcript*, как уже сказано выше, и *Journal of Commerce* перепечатать «лунную мистификацию» — слишком велик был соблазн! Забегая вперед, скажем, что осенью 1836 г. в газете *New Era*, где Локк работал после «Сан», он был означен как «автор “Лунного рассказа”». Однако «официального» признания Локка публике пришлось ждать до 16 мая 1840 г., когда в еженедельнике *New World* было опубликовано его письмо с подробным изложением мотивов мистификации.

«Об открытиях доктора Гершеля на Луне».
Флорентийское издание 1836 г.

Тем временем номера и брошюры «Сан» уже плыли в Европу. В 1835-36 гг. о жителях Луны сообщали газеты Германии, Франции, Швейцарии, Италии, Испании и Португалии, во многих странах публиковались отдельные издания брошюр. Под заголовком *О жителях Луны и о других достопримечательных открытиях, сделанных астрономом Сир-Джоном Гершелем, во время пребывания его на Мысе Доброй Надежды* подобное издание, в переводе с немецкого, вышло в 1836 г. и в Петербурге, вызвав гневные отповеди В. Белин-

ского и О. Сенковского.

Но нигде, пожалуй, «лунная мистификация» не породила такого ажиотажа, как в Италии. В 1836 г. здесь вышло около десятка книжек и сатирических памфлетов, посвященных жителям Луны, а неаполитанские художники Сальваторе Фергола (1796-1874), Гаэтано Дура (1805-1878) и Леопольдо Гальяссо посвятили им великолепные литографские сюиты. Григгс вспоминает, как американский морской офицер привез из Неаполя эти «большие литографии, на которых лунные пейзажи и жители, описанные изобретательным автором, были изображены с комическими преувеличениями и бесконечным искусством и юмором»¹⁰.

Осенью 1836 г. Локк покинул *Sun* и стал редактором новой газеты *New Era*. Несмотря на все его усилия, тираж газеты оставлял желать лучшего, и зимой 1838 г. Локк решил прибегнуть к испытанному способу — мистификации. Но находка «потерянной рукописи» шотландского исследователя Африки Мунго Парка (1791-1806), как заметил Э. По, не заинтересовала читателей, хотя сочинение и отличалось «богатым воображением»: «Колонки мистера Локка считались подозрительными». Через некоторое время публикация «записок Парка» была прекращена, а в октябре 1839 г. и сам Локк был уволен. Известно, что он выступал с лекцией о магнетизме, посещал литературные салоны и в 1842 г. опубликовал последнюю из нерегулярной серии эссе о науках и искусствах в *New York Mirror*. Журналистская карьера Локка подошла к концу: он поступил на службу в нью-йоркское таможенное управление, где 20 лет, до выхода на пенсию, прослужил инспектором и позднее начальником досмотровой группы Стейтен-Айленда (для этого Локку, остававшемуся британским гражданином, пришлось выдать себя за уроженца Нью-Йорка).

Взяток Локк, в отличие от других таможенников, не брал, и семья его жила очень скромно, если не в бедности. В последние годы жизни Локк редко выходил из дома. Он скончался 16 февраля 1871 г. Краткий некролог, опубликованный на первой странице *Sun* 18 февраля, гласил: «Ричард Адамс Локк умер в четверг на Стейтен-Айленде на 71 году жизни. М-р Локк был автором “Лунной мистификации”, самой удачной научной шутки, когда-либо появившейся в печати и впервые опубликованной в “Сан”. Его сочинение, полное мельчайших подробностей и умело использовавшее технические обороты, не только показалось убедительным обычным читателям, но самым поразительным образом ввело в заблуждение и поставило в тупик мужей науки».

---

¹⁰ Griggs., там же, с. 35-36.

Все тексты, приведенные в книге, публикуются в новой орфографии.
Пунктуация приближена к современным нормам. В случае названий
небесных тел, как правило, использовались прописные буквы
(Земля, Луна, Солнце).

Оглавление

О жителях Луны и других достопримечательных открытиях...	7
<i>Приложение</i>	53
Э. По. Приложение к рассказу «Необыкновенное приключение некоего Ганса Пфааля»	58
В. Белинский. [Рецензия]	70
О. Сенковский. [Рецензия]	78
Комментарии	90

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.